

0 Копия

КАЗАЧИЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ СБОРНИК
№ 13
ОКТЯБРЬ. 1960 г.
П А Р И Ж .

КАЗАЧЬИ ИСТОРИЧЕСКИЙ СБОРНИК

RECUEIL D'ARTICLES SUR L'HISTOIRE COSAQUE

№ 13

ОКТАБРЬ 1960 г. ПАРИЖ.

Редакция К.И.С. поздравляет всех Казаков, Казачек и их детей с праздником Покрова Пресвятыя Богородицы, и да попомнят они Престол Ея и Ивана Предтечу и то бессмертное Сидение, в котором столько было проявлено величия казачьего духа, стойкости и воли; да проявим и мы стойкость и волю к преодолению еще более страшного врага - нашего позорнейшего раз'единения, основанного исключительно на честолюбивых воледелениях.

ОТДЕЛ ИСТОРИЧЕСКИЙ.

ОБ УСТРОЙСТВЕ ЧЕРНОМОРСКОГО ВОЙСКА.

/П.С.З., 1808 г. Том 30-1.

№ 22902 /

Марта 17 Высочайше утвержденный доклад Министра внутренних дел; о переселении из Малороссийских губерний казаков на земли Черноморского Войска.

Доклад. Я имел счастье доносить Вашему Императорскому Величеству, по представлении Херсонского Военного Губернатора Генерал-Лейтенанта Дюка де Ришелье, о настоящем недостатке населения земель, войску Черноморскому пожалованных, о необходимости к усилению там водворения, и мнение его, что недостаток сей пополнить удобно переселением из двух Малороссийских губерний некоторого количества поселян, кои по тесноте земель своих ежегодно в Новороссийский край переходят.

Ваше Императорское Величество, из'явив предварительно Высочайшее соизволение на сии предложения, указать мне изволили, представить Вашему Величеству те способы, которые для приведения сего в исполнение считаю я удобным.

Приступая к исполнению сей Высочайшей воли, прежде всего нахожу необходимым из'яснить здесь положение, до войска сего относящегося.

Войско Черноморское, составясь из казаков бывшей Сечи Запорожской, получило в 1792 году земли, ныне им владеемые, заключающиеся в Томанском полуострове и за Босфорским проливом, между Азовским морем, до границ Кавказской Губернии, и от Ейского укрепления в губернии Екатеринославской по Кубани, до самого ея устья, пространством своим более 300.000 квадратных верст занимающих.

Пожалование сих земель Черноморскому войску от покойной Государыни Императрицы Екатерины Второй было, сколько в воздаяние заслуг, оказанных им в бывшую перед тем с Оттоманской Портой войну, столько и для ограждения границы тамошней от всегдашних набегов Горских народов,

В № 12 К.И.С. на стр.1-ой, стрч.12 - вместо "монарские" следует "майорские."

к обузданию коих прежде содержались там непрерывно из регулярных полков кордоны.

Части, живущие сих Закубанцев, набеги поставляют Черноморцев в необходимости иметь теперь безпрестанно на границах своих до 4.500 человек стражи, а в случае большого Закубанцев вторжения, принуждены они бывают и все приняться за оружие; от каковых всегдашних осторожностей и частых отражений, войско Черноморское не могло в счете людей не потерпеть нарочитого умаления, к пополнению коего принужденным себя находило прибегать к средствам, какие прежде были употребляемы, то есть к склонению из разных мест полуденного края и из Малороссии людей всякого звания к побегу и переселению в их сословие.

С изданием указа, коим все переходы поселицам с места на место воспрещены, и велено всем оставаться там, где кого ревизия застала, побегии сии некоторым образом прекратились; но совсем тем войско Черноморское посредством своих поверенных находило способы увлекать на земли свои людей тайно, что может быть и до ныне еще продолжается, а смели счесть, что оно по необходимости поступает на сии непозволительности, как то и действительно полагать должно, то Правительству нельзя оставить сего без особого внимания, и принять таких мер, коими бы с одной стороны все подобные беспорядки были прекращены, а с другой стороны войско Черноморское, только для пользы Государства нужное, было подкреплено в числе своем средствами, для всех других состояний безвредными, и общим постановленным не противными.

Взяв сие в основание, я полагаю, что предназначаемое переселение из Малороссийских Губерний на земли войска Черноморского, будет настоящей цели совершенно сообразно, и с видами Правительства, во всех отношениях, согласно; а потому назначая для сего 25.000 мужеского пола душ, считаю таковое число неизлишним: ибо теперь всех обитателей на землях Черноморского войска имеется не более 20.000 мужеского и 10.000 женского пола душ, количество столь недостаточное, что без сего нового подкрепления, набеги Закубанских народов, никогда непрекращающихся, со временем могли бы сословие сие вовсе разрушить: к переселению сему удобнее всего, почитаю я, обратить из сословия казаков в обеих Малороссийских Губерниях обитающих, которые имея собственные свои грунты, примут предложение сие тем охотнее, что продажей их не будут нуждаться в издержках, для перехода и водворения потребных, что состояние, в которое они по переселении войти должны соответствуют прежнему их образу жизни, когда они были в казачестве, и что на новом месте водворения найдут они еще земли обильные, плодородные и избыточествующия всем тем, что для поселицына нужно, и с предпочтительным еще в обширности земель выгодами, чего они в настоящих жилищах не имея, и недостатком земель крайне нуждаясь, переселяются ежегодно немалым числом в край Малороссийский. Такое переселение заключает в себе еще и особую пользу, как для того края, куда оно назначается, так равно и для тех Губерний, откуда оно определяется.

Для войска Черноморского люди сии будут тем полезнее, что ведя уже некогда подобный образ жизни, и отправляя прежде личную службу, скорей

приобыкнув к перенесению службы, какую в войске отправлять будут обязаны, а тем самым полезнее других для защиты границ, куда переселятся.

Для Малороссии же выгода сего переселения будет ощутительна в пространстве собственности, столь много от недостатка земель в хозяйственных заведениях стесненных.

По сим соображениям, находя переселение из Малороссийских Губерний до 25.000 душ казаков на земли войска Черноморского общепольным и возможным, я осмеливаюсь Вашему Императорскому Величеству представить мое мнение, на каких главных основаниях может быть оно произведено в действо; и как правила, в 1306 году для переселения из Смоленской губернии крестьян в Новороссийский край Высочайше утвержденныя, не могли быть во всем применены к сему случаю: то я счел за необходимое для настоящего предмета изъяснить их с большею, сколько возможно определенностью. Оно заключается в следующем:

1/ Переход на земли Черноморского войска казаков из Малороссийских губерний с их семействами допустить по добровольному каждому на то желанию.

2/ Из числа семейств, желавшие все к переселению объявивших по уважению малого числа женского пола, ныне в Черноморских войсках состоящего, предпочитать те, где более девок и вдов, в брак еще вступить могущих.

3/ Исполнение переселения возложить на особое попечение Малороссийского Генерал-Губернатора.

4/ Предоставить ему, чтобы по соображению счета волостей, числа в них душ и тесного положения земель, назначил он число семейств, кои из каждой волости к таковому переселению желание свое объявить могут.

5/ Дозволить обещание о сем сословию Казачьему учинить посредством волостных правлений под надзором Земских Полиций.

6/ Определить, чтобы семейство, объявившее желание к переселению, представило при том от общества своего удостоверение, что никаких в податях неочищенных обязанностей не состоит, и частных долгов, препятствующих выходу из селения на оных не имеется.

7/ Волостным правлениям предписать, чтобы списки, кои с таковым объявлением о переселенцах учинены будут доставляли они в Казенныя Палаты для представления их Генерал-Губернатору.

8/ Генерал-Губернатор по рассмотрении их и по соображению которому из семейств, объявивших желание переселиться, дозволение на то дать можно и велить через кого следует, каждое о сем известить.

9/ Получающие такое позволение могут, если пожелают послать от себя предварительно несколько человек в войско Черноморское для обозрения мест к своему поселению, и узнания вообще о всех тех выгодах, какие они там иметь будут.

10/ Губернское Начальство комиссионеров сих должно снабжать для прохода надлежшими на срочное время видами, и вместе с сим обязано предварительно дать знать об оном Керсонскому Военному Губернатору и Черноморской Войсковой Канцелярии, с требованием для обеспечения переселенцев в удовлетворении желания их точного удостоверения.

11/ Нежелаящих отправлять от себя таковых нарочных, к сему не принуждать; но для предварительного отвода им к поселению мест и устройства необходимых на первый случай пристанищ, Губернское Начальство должно заведомо уведомить Войсковую Канцелярию и Персонского Военного Губернатора о всех тех, кому предназначится дозволение к переселению, и доставить при том подробные семействам их списки.

12/ Когда по таковым сношениям, все необходимое к пристанищу переселенцев изготовится, и следовательно самое переселение из Малороссийских Губерний казаков решительно определено будет, то в то же время от Малороссийского Генерал-Губернатора должно быть предписано Земским Начальником, чтобы обвести всех тех коим переход сей дозволен, что они распределением своей собственности и грунтовых владений должны сделать к тому свои приготовления.

13/ Переселенцев сих, для их перехода назначать партиями, не более 30 семейств. В каждой, избирая из сих семейств одного отличившегося добрым поведением старейшину, который как открытым на проход партии листом, так и подробною по прилагаемой при сем под № 1 форме о всех семействах ведомостью, снабжен быть должен; и которое он по приходе на место обязан представить в Черноморское Правление, во времени же отправления их с места, наблюдать достаточное одной партии от другой отдаление, дабы от большого числа и от частых одной за другой переходов, не могло встретиться затруднения в дороге, в рассуждении квартирования и прокормления скота.

14/ Каждая партия в пути до места назначенного должна быть препровождаема от города до города, или от одного до другого уезда, отряженным от Городничих и Земских Комиссаров чиновниками, или унтер-офицерами или же солдатами, как для ограждения их в пути от притеснения и остановок, так равно и для соблюдения между самими переселенцами порядка, к предупреждению всякого покушения на поступки невозволительные; на сей конец Генерал-Губернатор обязан предварительно о выступлении с места сих переселенцев, всякий раз давать знать Начальникам Губерний, через кои они пойдут, к учинению заблаговременно нужных в сем случае распоряжений.

15/ Если кому-либо из переселяющихся приключится болезнь, по которой он пути продолжать не может: в таком случае хода целой партии останавливать не должно; но заболевшего, не разлучая с его семейством, обязано Городское и Земское Начальство тут же на месте удержать, и иметь под свой надзор и покровительство, озаботиться через Медицинскую Управу о его излечении, и по выздоровлении с письменным видом, показывающим все число душ и количество скота, к назначенному месту отправить в одном семействе, или с новой партией, которая между тем подоспеет.

К исполнению сего обязан Малороссийский Генерал-Губернатор дать предварительные свои предписания и отнестись о том к Начальникам Губерний, через кои переселенцы следовать будут.

16/ Срок для переселения сего назначить один год, в течение всего все те коим оно дозволится (не простираясь далее 25.000 душ мужеского пола, а женского, сколько их в семействах находится будет) должны непременно им воспользоваться, разве бы между тем кто из них по каким либо обстоятельствам пожелал пока остаться на прежнем месте, в чем и не

делать никому воспрещения; но для сохранения определенного числа переселенцев, заменить таковых новым назначением из об'явивших на то желание, по призыву Генерал-Губернатора.

17/ Все переселяющиеся из Малороссийских Губерний казаки, лежащая на них денежная подать по тому месту, откуда выходят, очистить должны по общему о переселенцах и переводе душ положению.

18/ По отпразднении каждой партии, Генерал-Губернатор должен будет доносить Правительствующему Сенату и в то же самое время уведомлять Министра Внутренних Дел и Государственного Казначея прилагая ведомости по форме № 2 у сего следующей.

19/ Черноморская Военная Канцелярия, в приеме поселенцев, в водворении и в наделении их землями, поступает согласно основанию и изданным от Правительства о сем войске постановлениям.

О каждой же приходившей на место партии переселенцев посылает к Малороссийскому Генерал-Губернатору ведомость по форме под № 3 при сем прилагаемой, поверяя оную всякий раз с ведомостью, какая от старейшины с каждой партией представится, которая по подробности своей служить будет проверкой их путешествия, и того состояния, в каком они до места прибыли.

20/ Для предупреждения злоупотребления при таковом переселении вкрасться могущего, Канцелярия войска Черноморского предварительно и строгаише запретить принимать в виде сих переселенцев таковых, кои не будут иметь надлежалых для того от Малороссийского Генерал-Губернатора свидетельства, и ежели бы они могли случиться, оных непременно должно возвратить через пересылку посредством Земских Полиций к Малороссийскому Генерал-Губернатору, для обращения на прежнее зительство.

Мера сия более всего приемлется на тот конец, чтобы под предлогом дозволенного переселения казакам, не могли воспользоваться сим и помещичьи крестьяне, и наконец беглые разного рода люди, а потому должное в сем случае наблюдение по всей строгости, остается на собственной ответственности Военной Канцелярии, и особенно поручено быть должно главному тамошнему краю Начальству.

21/ Судя по близости места, куда назначастся переселение, никакого от казны переселяющимся казакам пособия не полагается: ибо они имея собственные свои грунты, продажей достаточно всем нужным снабдить себя могут, но если бы по местным соображениям Херсонского Военного Губернатора, востребовалось что либо для первоначального переселенцев обзаведения, справедливость требует издержки таковыя отнести на счет сословия Черноморского войска, в пользу коего таковое переселение от Правительства дозволяется.

Изложив правила переселения Малороссийских казаков, в соединении с казаками Черноморскими предполагаемого, считаю необходимым обратиться и к самым земным, последними ныне обитаемым, которым по из'яснению Херсонского Военного Губернатора никакого до сего времени внутреннего размежевания еще не было, и которое в существе своем столь полезно и нужно, что посредством одного отделясь общее владение от частного, поставится каждое в известная границы, и том на будущия времена обезпечится всякий владелец или поселянин в прочности козл'ственных на своей заведении.

Дабы принести меру сию в надлежащее действие, должно предварительно отнестись к Министру Юстиции и к Военному Персонскому Губернатору Дюку де Ришелье, представив первому распоряжение о приготовлении одной или двух землемерных партий, а к последнему, чтобы он без малейшего отлагательства приказал Черноморской Войсковой Канцелярии заранее собрать к делу сему все местные сведения, в то же время занялся составлением и самим для межевых правил, внося тут все подробности, которые ему, яко Главному того края Начальнику, должны быть известны; и определяя все неудобства благоуспешности межевания препятствовать могут; по окончании же представил бы оное на Высочайшее Вашего Величества усмотрение с утверждением коего само по себе откроется, что чиновники, к межеванию определенные, будут в непосредственную его зависимость, а притом в лучшей благоуспешности не препятствует дозволить ему учредить, буде найдет полезным, и особой Межевой Комитет с обязанностью иметь за действием землемеров смотрение и давать им в затруднительных случаях разрешение, определяя однако же степень, до которого сей Комитет сам собою действовать может, и выше которого должен относиться к Военному Губернатору для получения его наставлений и разрешений. В сем состоят по моему мнению все те распоряжения, которые при переселении казаков из Малороссийских Губерний на земли Черноморского войска, приняты быть могут, и которые я осмеливаюсь повергнуть Монаршему Вашему Императорского Величества благоусмотрению.

Резолюция: "Быть по сему."

-----оно-----

П.С.В. Т:37, № 28241 - 1820 г.

Апреля 19 дня Высочайше утвержденный доклад Управляющего Министерством Внутренних Дел.

О умножении Черноморского войска переселением на земли, оному войску принадлежащая, 25.000 Малороссийских казаков.

Доклад. По Высочайшему Вашего Императорского Величества повелению внесено в Комитет Министров поступившее от Начальника Главного Штаба 2-ой Армии Генерал-Майора Киселева обозрение Черноморского войска, заключающее вкратце и предположение о переселении на земли оного двадцати пяти тысяч душ из казаков Малороссийских двух Губерний.

Комитет приняв в уважение, что подобное переселение из Малороссии последовало в 1808 году по докладу Министра Внутренних Дел, представил мне рассмотреть упомянутое предположение Генерала-Майора Киселева и представить мое по оному заключение.

Генерал-Майор Киселев в обозрении его Черноморского войска изъясняет:
1/ Что Черноморския земли при великом своем пространстве не имеют достовольного населения.

2/ Что Черноморские казаки, быв с учреждения своего в непрестанном действии с соседними народами, приобвыкли к воинскому состоянию, но не могли привести себя в цветущее положение, и скудность в войске весьма ощутительна.

3/ Что главные доходы войска состояли донные в скотоводстве и рыбных ловлях; но и они казаки по непрерывному оборонительному своему положению распространять не имеют возможности.

4/ Что хлебопашество по тем же причинам так мало соответствует плодородию земли, войску принадлежащей, что Войсковое Управление принуждено покупать провиант по большей части в соседственных Губерниях для содержания кордонных полков; и

5/ Что таким образом постепенное оскудение войска со временем не позволит казакам собственными способами охранять границу и тем поставит Правительство в необходимость возобновить прежния на сей предмет важные издержки.

В отвращение сего Генерал-Майор Киселев полагает весьма полезным и необходимым, на обширном пространстве, занимаемой войском Черноморским земли, умножить число жителей, переселением из Малороссии еще двадцати пяти тысяч казаков по прежнему примеру. Он удостоверяет, что переселившиеся прежде туда из Малороссии казаки, в течение восьми лет столь привыкли к настоящему роду жизни, что служба военная исполняется ныне без различия старыми и новыми казаками.

В сем заключается кратко существенныя обстоятельства представления Генерал-Майора Киселева до переселения людей из Малороссийских Губерний относящихся.

Обращаясь к рассмотрению оного, я нахожу:

Во первых, что бывший Херсонский Военный Губернатор Дюк де Ришелье, признавая необходимым усилить население Черноморского войска, полагал отправить туда некоторое число поселян, которые по тесноте земель из Малороссии в Новороссийский край ежегодно переходили, и

Во-вторых, что Вашему Императорскому Величеству благоугодно было повелеть бывшему тогда Министру Внутренних Дел, князю Куракину составить по сему предмету правила, которые в поднесенном от него докладе 17 марта 1808 года были удостоены Высочайшего Вашего утверждения.

Главные основания правил сих заключаются в следующем:

- а) Число переселяемых назначить не более 25.000 душ мужеского пола с их семействами.
- б) Переселение совершать добровольно и единственно из сословия казаков.
- в) Приглашение к переселению ограничивать теми местами, где жители наиболее в земле нуждаются.
- г) Имена желающих представлять Главному Начальству для нужного к переселению дозволения.
- д) Переселение предпочтительно разрешать семействам, в коих более женского пола.
- е) Списки переселяющихся посылать к Начальству Черноморского Войска.
- ж) Переселяющимся дозволить продавать свои дома, земли и имущество.
- з) Черноморскому войску поставить в обязанность назначать переселенцам земли и сделать нужныя пособия к водворению.
- и) Войску не дозволять принимать других поселян, кроме назначенных в списках.

- и) Все по сему распоряжению в Малороссийских губерниях представить Главному Ведомству Малороссийского Генерал-Губернатора.
- к) Переход в пути и провозание сих переселенцев до места водворения определить правилами в 1806 году о переселении казенных крестьян из Смоленской губернии, изданными:
- л) Срок для окончания всей операции переселения сего назначить один год, но сие последнее положение в последствии отменено.
- м) Наконец для удобнейшего их водворения предположено размежевать Черноморские земли; что однако же по встретившимся неудобствам исполнено быть не могло.

На сем основании переселилось в Черноморское войско в течение 1809, 1810 и 1811 годов из губерний Полтавской и Черниговской казаков двадцать три тысячи восемьдесят восемь мужского и восемнадцать тысяч шестьсот семьдесят две женского пола душ.

Сообразив обстоятельства прежнего переселения Малороссийских казаков и настоящие предположения, я нахожу:

1/ Что Черноморское войско по населению, совершенно несоответствующему обширности и плодородию его земель, существенную пользу получит от всякого распоряжения, которое клониться будет к тому, чтобы умножить способы его к обрабатыванию земли.

2/ Что Малороссийския губернии, изобилующия напротив населением в сравнении с количеством, крайне недостаточным земель им принадлежащих, не только не могут потерпеть в хозяйственных отношениях от переселения двадцати пяти тысяч душ; но напротив получить должны существенные выгоды, если бы число поселян, им принадлежащих, несравненно значительнее водворилось на землях полуденной части России, к их частной и Государственной пользе.

3/ Что успешное переселение Малороссийских казаков в войско Черноморское уже произведенное, удостоверяет, что и ныне предполагаемое, на взаимных выгодах также основанное, одинакие последствия иметь будут.

4/ Что кроме вышеизложенных выгод в отношениях хозяйственных Правительство достигнет весьма важной цели прочного обезпечения границ своих посредством сего воинского поселения, без коего следовало бы содержать регулярное войско с немалыми издержками и значительною ежегодною потерей людей в климате, весьма пагубном для тех, кои к оному не привыкли.

5/ Что в сравнении выгод сих не может быть поставлена небольшая убыль в доходе казенном от того, что освободятся 25.000 переселенцев от платежа подушных и оброка; между тем, как по заключению вышеизложенному, Правительство избавится может от важных издержек по содержанию войска регулярного на Кубани необходимого, если собственные способы Черноморских казаков не будут усилены.

По всем уважениям сим я признаю новое переселение 25.000 душ мужского пола из сословия Малороссийских казаков на земли Черноморского войска весьма полезным, и полагаю произвести сие на основании правил вышеупомянутого Высочайше утвержденного в 17 день марта 1808 года доклада Министра Внутренних Дел, присовокупя некоторые распоряжения, кои по встретившимся по оным неудобствам споспешествовать могут к успеху сего дела.

Распоряжения сии заключаются в следующем:

1. Все производство переселения сего поручить попечению Малороссийского Военного Губернатора с тем, чтобы он применялся к правилам, в 1808 году на сей случай данным, снабдил Гражданских Губернаторов Полтавского и Черниговского надлежащими наставлениями, для производства дела сего с успехом и сообразно цели Правительства.

11. Для из'явления желаний со стороны переселяющихся семейств и для полного в Черноморские земли переселения назначить трехлетний срок, со времени об'явления о том в каждом повете.

111. Малороссийскому Военному Губернатору поставить в обязанность доносить об успехе переселения, и доставлять ведомости о переселяющихся в Министерство Внутренних Дел.

Гражданские же Губернаторы обязаны будут ведомости о переселяющихся из Губерний им вверенных казаков, сообщить Казенным Палатам.

1У. Черноморскому Военному Начальству поставить в обязанность новым поселенцам отводить земли и размещать их во всем равнине со старожителями казаками, представляя оному распорядиться по лучшему его соображению о размежевании земель, кои им отводиться будут.

У. Малороссийскому Военному Губернатору и Войска Черноморского Атаману предоставить иметь надлежащее отношение с Министром Внутренних Дел во всех случаях, кои по операции сей встретят затруднения, или потребуют из'яснения, или дополнения, дабы они могли получать неотлагательно разрешение.

Резолюция: "Быть по сему."

П.С.З. Том 37 - № 28351 - 11 июля 1820 г.

Юля 11. Высочайшее повеление, об'явленное Начальником Главного Штаба Демурному Генералу.

Об определении по одному младшему лекарю, одному фельдшеру и по два цирюльника в каждое из восьми казачьих войск, поселенных на Кавказской линии.

Государь Император Высочайше повелеть соизволил: для пользования больными в поселенных на Кавказской линии казачьих войсках: Кизлярском, Терском, Семейном, Гребенском и полках: Моздокском, Волгском, Поперском, Кубанском и Кавказском, как служащих, так и отставных из сих войск и полков офицеров и казаков, равно и всех жителей сего сословия определить в каждое из восьми войск и полков по одному младшему лекарю, одному фельдшеру, и по два цирюльника и производить от казны потребное для сего количество медикаментов.

В И Й .

Этот рев, этот гам, свистопляска,
 Что теперь происходит везде,
 Нам знакомы, как детская сказка,
 Черти пляшут к великой беде.

Русский Вий подымаясь из праха,
 Диким взором на мир поглядел,
 Целый мир ужаснулся от страха,
 Этот взор лютой злобой горел.

Все смешалось, восстал брат на
 брата,
 Будто разум всем кто то отнял,
 Везде зло и напрасно когда то,
 За людей Сам Христос пострадал.

Люди все позабыли про Бога,
 Сказка снова вернулась назад,
 Разошлась перед миром дорога,
 По которой ктти - не понять.

Закружились счастливые ведьмы,
 Для них вольный открылся простор,
 Усмехаясь над миром из бездны,
 Сатана свою руку простер.

Ой вы дали, вы дали степные,
 Разве сердце о том не болит,
 Что отняла от нас все Россия
 И в изгнание нам пришлось жить.

И сейчас мир в всеобщем смятении,
 Подошел к перекрестку дорог,
 Казаки! Отгоните сомнение
 И поможет нам праведный Бог.

М. Гаврилов

Труа.

П.А.Соколова.

ВОЗОБНОВЛЕННОЕ ЗНАКОМСТВО.

(Отрывок из Записки о Былом " Казаки Ермаковы")

Переходившая в старшие классы Лида Попова, большую часть летних каникул часто проводившая у тетки в Таганрогском Округе, мало вращалась среди станичной молодежи, почти никого лично не зная. Попав однажды на концерт в Народном Доме, она возобновила детские знакомства с некоторыми сверстницами, уже начинавшими считаться " барышнями" и в своих девичьих разговорах с пафосом упоминавшими имена Ваней, Косей, Мишей.

Перед началом спектакля задорная трещотка короненькая гимназистка Оля Захарова, годом старше Лиды, докладывала своей однолетке веснуцатой, кругленькой блондинке Кате Матвеевой: - " Вчера мы катались на лодке. Греб Коля Власов и, по своей мальчишеской бесшабашности, всеж нас забрызгал и чуть не перевернул. В это время по мосту шел Ермаков и нам, точно маленьким, погрозил пальцем, покачав головой: осторожней, мол." -

- " И вы, само собой разумеется, пригласили его к себе в лодку." -

С беспокойством, часто дыша, спросила Катя, добавив недосказанное подружкой.

- "Приглашали, конечно; но он ответил, что только что вернулся с охоты и идет купаться. С полотенцем шел." - Скороговоркой рапортовала Оля.

- "А еще что он вам говорил?" - Заметно волнуясь, расспрашивала Катя, в безотчетном движении теребя пуговицу блузки.

Тряхнув длинной косой, Оля с лукавой усмешкой, интригуя ее, ответила: - "А тебе это все непременно знать надо. Любопытство - порок. - Отрезала она чуть не поперхнувшейся от этих слов сверстнице, насмешливо добавив: - Сказал, что халь, нет с нами Катя, а то бы прямо с места так и прыгнул в нашу лодку." -

Катя вскинула, лицо ее залилось краской, ступая некрасивые веснушки, и на шпильку Оли она парировала: - "Не говори вздора. По своей неизлечимой привычке вечно болтаешь глупости." -

Пел хор. Любимая казачьи песни, слушая их в концертном исполнении впервые, Лида насторожилась, вникая в каждое слово, наслаждаясь лихостью разудалых плясовых и переживая глубокий смысл выразительно медленных, широких, протяжно грустных переливов столь знакомых с детства мелодий, упиваясь их пленительной красотой. В экзальтированном восторге, полная впечатлений, она дрожала мелкой внутренней дрожью. Вдруг, раздался свежий приятный тенор, бодро запева: "Поехал казак во чужбину далеко на добром коне он своем вороном." Хор подхватил: "Свою он крайку на веки покинул, ему не вернуться в отеческий дом." Лида затрепетала, как пронзенная электрической искрой, вся во власти волнующих вибраций заставившего сильно забиться сердце голоса певца, продолжавшего солировать: "Казак умирая присягнул и молил насыпать курган у него в головах", и хор, как-бы в неизбежную, вечно живущую в казаке память о родине, закончил: "Пускай на кургане камина родная растет и красуется в ярких цветах." Переполненная нахлынувшими эмоциями, Лида едва сдерживала слезы. Под впечатлением слов и пения, слитых воедино, она, никогда невидевшая и незнавшая никак "чужбины далекой", вдруг, глубоко в себе почувствовала, досконально поняла трагический смысл рокового слова "чужбина". Душа Лиды содрагалась, горела, пылала, не различая, что именно ее так разволновало: сама песня, ее смысл или этот выразительный тенор. Молодой обладатель его, казакось, пел сам о себе и Лиду охватила беспредельная жалость, сосущая грусть и безысходная тоска, точно она сама, в беспросветном горе стояла у одинокой могилы, оплакивая безмерно дорогого, на чужой стороне сложившего свое казачьи кисточки близкого родного. Напряженно вглядываясь в лица хористов, она искала глазами всколыхнувшего все ее существо солдата и, не найдя его, спросила всезнайку Олю: - "Что это запева? Не вижу". - "Ермаков, конечно. Он не любит фигурировать и, по обыновению, спрячется за спины других. Поэтому его и не видно." -

- "Ермаков?... Не знаю." -

- "Если не знаешь, спроси Катю. Она тебя с ним познакомит." - Не без задней мысли ответила острая на язык Оля.

Когда, после концерта, начались танцы, Алексей Ермаков с Владимиром

Ивановичем складывал в стопку коты, раскланиваясь с поодаль сидевшими мамашами, круженными веселым роем молоденьких дочек. Заметив Лиду, новое среди них для него лицо, Алексей спросил Усачева: - "А это что за симпатичная полудетская мордашка?" -

- "Удэль не узнаешь? - Удивился Владимир Иванович. - Присмотрись лучше." -

Алексей издали рассматривал кого-то ему напоминавшую среднего роста круглолицую, начинавшую приобретать формы взрослой юную темную патенку. В ней не было ничего необычайного, яркого, все без особой красоты, но пропорционально "все на месте." Небольшие ушки чуточку выглядывали из под пышных, заплетенных в два косы, уложенных полукругом над затылком волос. Дугой очерченные подвижные брови, реагируя на впечатление их обладательницы, выдавали ее настроение. При улыбке, несмотря на то, что широковатый носик расплывался, сверкавший белизной ряд правильных зубов и серые с зеленой поволокой простодушно смотревшие глаза освещали лицо каким-то, показавшимся Алексею "внутренним светом", придавая облику девушки единственное очарование.

Меж тем Владимир Иванович продолжал: - "Конечно-же, молодежь, что грибы, быстро растет, меняется. Однако этот только что народившийся на свет оперяющийся птенецка вылитый портрет папаша..." -

Усачева перебила, не дав кончить фразу, примчавшаяся Оля и, ухватив за руку Ермакова, затараторила: - "Идемте скорее: моя подруга ждет с вами познакомиться." -

- "Какая подруга?" -

- "Сейчас узнаете. - Наскоро ответила спешащая Оля, таща за собой еще не собранного коты листки Алексея. - Бросьте эти бумажки. Непоскода. Она умирает, желая вас видеть." -

И, шаловливая Оля, держа Ермакова, как на привязи, подвела его к ничего не подозревавшей Лиде: - "Вот тебе твой казак с чужбины далекой. А это моя товарка Лида." - И, с этими словами, оставила их, побежав докладывать Кате о случившемся.

Все произошло так быстро и неожиданно для Алексея и Лиды, что они, как ошарашенные, не разжимая рук, несколько мгновений молча стояли неподвижно, лишь смотрели друг другу в глаза, то-ли смущенные, то-ли удивленные, немые, восторженно ликующие. Не отрываясь от приветливо поблескивавших, пристально смотревших на нее карих глаз, Лида, как прикованная, вся ушла в безмолвное их созерцание, потому что в этом, показавшемся ей давным-давно знакомом взгляде. Алексей, умиленный бесхитросым выражением устремленных на него доверчиво глядевших без всякого женского кокетства глазенок, узнав "вылитый портрет папаша", весело произнес:

- "Здравствуйте, старая знакомка Лидочка." -

Лида, очнувшись от столбняка, недоумевающе переспросила: - "Старая знакомка?" -

Ермаков ласково, совсем по-отечески улыбнулся: - "О, тогда вы были очень маленькой, совсем крошкой. Забыли. Ну, так я вам напомню целала тележка и лошадкой?" -

Лида опять не поняла.

Видя, что она забыла их первое знакомство, Алексей упомянул об их второй встрече: - "Может быть, впервые показанный в столице сеанс кинематографа помните, когда вы испугались велосипедистов на экране?" -

Мгновенно, с быстротой молнии в памяти Лиды пронеслось совершенно забытое смутное воспоминание очень раннего детства о любимой, зряжен-ной в коляску лошадке и, одновременно, досконально отчетливо вспомнил-ся и любезный, подаривший эту лошадку мальчик, успокаивавший ее от напрасного испуга в котором в полутемном зале она не успела сказать в ответ что-то благодарно приятное. И вот, этот бывший милейший маль-чик, как по волшебству превратившись в статного молодого человека, стоял вновь перед ней, будто омытая улыбка невнятного в детстве. Лида, точно снова встретив верного старого друга, засияла обрадова-ная, все еще не в силах оторвать восхищенных глаз от откровенно расс-матривавшего ее Алексея.

Нескоро заснувшей в эту ночь Лиде приснился странный сон. Карие, так глубоко, до дна души этим вечером смотревшие на нее глаза, блестящие, сверкающие, носились к ней в лучах света откуда-то из пространства, как с неба, все приближаясь и, совсем в упор подлетев к ее собствен-ным глазам, растворились, смешались с ними. Как от мягкого сладостного толчка, Лида проснулась и долго, до утра лежала, переживая жгучие впе-чатления удивительного сна и вновь и вновь вспоминая детали несладан-ной встречи накануне.

П.А.Соколова

Аргентина.

ПЕРВЫЙ БОЙ.

/ Из романа " За Край Родной " /

На заре, когда порозовевший восток заставил поблескивать звездочки; когда в природе установился такой неизблемый покой, какой бывает только перед ее пробуждением и когда она, в ожидании этого пробуждения, каза-лось, грезила в сладком полусне, тихо, незаметно для непосвященного взгляда, улыбаясь своим грезам прежде чем проснуться окончательно; когда каждый листик на недвижных деревьях, замерших в созерцании навея-ных на них теплой весенней ночью волшебных снов, покрывался серебряной влагой росы, точно он умывался слезой от умиления перед миром, царив-шем в окружающем его мире; когда все травы луговые, неподвижные, отяг-ченные обильно смочившей их, оловянно-матовой в этот ранний утренний час, росой вытянулись, прислушиваясь к тому таинственному, что соверша-лось вокруг: полусотня, наполовину уменьшившаяся в своем составе, после расстановки постов вдоль Прорвы, мирно заревала на берегу Черепашки. Казаки крепко спали, в живописных позах раскинувшись прямо на земле, с харчевыми сумками под головами. Вокруг стволов пяти больших тополей, росших на берегу озерца, в порядке стояли прислоненные, с отпотевшими за ночь стволами, винтовки. Сзади тополей виднелись две кучки пепла от

давно потухших костров, с черными в нем кусками кизяка и с обуглившимися торчащими во все стороны, концами несгоревших веток ... Разная утварь, опрокинутые котелки, десятка два деревянных ложек, куски недоеденного хлеба, сумки - кожаные и холстовые в беспорядке валялись неподалеку от костров ...

Но не вся полусетня заревала ранним весенним утром на берегу озера Черепашки. Шагах в ста от нее, на корявом пне срубленной вербы, сидел и смотрел на восток Герман Минаич. На лице его, давно обмытом прозрачной и свежей водой Черепашки, отразилось необычайное и глубокое чувство, охватившее его постепенно, по мере того, как он смотрел на небо, где в розовом похаре, из-за невидимого горизонта, готовилось показаться солнце ... Чувство это было - безмолвный восторг, иначе его назвать было нельзя. На это указывали и заблестевшие от внутреннего огня, почти не мигающие сейчас, по старческой привычке слегка прищуренные, добрые серые глаза его и заставшая на губах мягкая, какая-то детская полуулыбка, придававшая всему его просветленному лицу выражение радостного удивления, глубокой нежности, беспредельной, доходящей до обожания, любви - всех тех чувств, образующих здоровый у здоровых людей экстаз, во власти которого находился в настоящий момент старый казак ... И как предельное выражение всех этих сложных переживаний, ясно им ощущаемых, но вряд ли осознаваемых, Герман Минаич медленно, с придавом перстов на лбу, животе и плечах, осенил себя крестным знаменем. Потом упал с ним на колени и припал головой к земле ... Герман Минаич начал молиться ...

Придется оставить его на некоторое время в покое. Есть нечто настолько интимное в уединенной молитве человека, что становится неловко, когда случайно приходится наблюдать ее. Как будто невольно вторгаешься ты во святая святых, в тот заветный уголок человеческой души, куда никто, никогда и ни в каком случае не имеет права вторгаться ... Святая святых! . Абсолютное невмешательство и безграничное, безусловное уважение !

... Когда Герман Минаич поднялся, на лице его остались следы слез ...

... Эх, ты! И тут подвела старость! .. Никуда от нее не уйдешь ...

Чуть-что ... и капнет! ... Страма!

Смущенно улыбаясь, Герман Минаич поскорей протер пальцами глаза, мимоходом, всей ладонью, разгладил бороду и улыбнулся уже другой, обычной своей подкунавцей, светлой улыбкой.

- Зарюет, смотри, Ленид Матвееч. Пойтять поглядеть ... будить-вить велел.

Герман Минаич подошел к одному из тополей. Около него, укрывшись его шинелью, спал урядник Туркин.

- Ленид, а Ленид, - негромко и ласково позвал Герман Минаич, толкая своего взводного. - Вставай, што-ль ... Солнушка всходить ...

Туркин потянулся, открыл заспаные глаза, моргнул несколько раз краду и сразу сел.

- У-у, как рассвело! - улыбаясь, произнес он.

- Да-а ... Солнушка не ждет нашего брата ... Хе-хе-хе ... - рассмеялся Герман Минаич и уже серьезно спросил: - Пойдешь по постам-то?

- Конечно! - вскричал Туркин и одним прыжком очутился на ногах. - Вот умоюсь черепашей водой, возьму кусок сала и загужу к Прорве. Жалко, удочек не захватил... Хорошо бы сейчас, на зорьке, порыбалить.

- Дите еще ты, Ленид Матвейч, - не удержался от улыбки Герман Минаич.

- Рази можно сычас об хлыстах помышлять? Война началась, а он горбылей ловить хочить...

- Это ничего, Минаич. Одно другому не мешает, - ответил Туркин и глубоко, полной грудью вздохнув, сбегал к воде.

Поплескавшись, Туркин поднялся на берег, утираясь, за неимением полотенца, косовым платком.

- Хочешь, Минаич, со мной на Прорву, по постам? - спросил он.

- Хочу, - живо, с готовностью ответил старик. - Надобно только дежурство передать. Я-вить, дежурный сычас.

- Ты, может, спать хочешь?

- Не-е, - отмахнулся Герман Минаич. - Много ли нам, старым греховодникам, сну надобно? Подремал трешки и будя. Надобно дюлей зить, - рассмеялся он. - На том свете - на - загнете отоспимся, кватит время...

- Разбуди Павла Калякина, он не нес еще ни одного наряда - ни на постах, ни тут, - распорядился, входя в роль командьра взвода, Туркин.

- Э мент разбудим!

Герман Минаич направился к спящим казакам, но взглянув случайно по направлению к станице, вдруг остановился, потрянул головой, протер глаза и в удивлении вскричал:

- Никак кавалерия! Смотри, Ленид Матвейч!

Туркин взглянул и в свою очередь удивился несказанно: по сю сторону Горелого, у самого Первого Тополя, продвигалась группа конных, в в тридцать, примерно, человек. Впереди, на иноходившем коне, ехал их командир, сзади него два казака, а дальше, рядами по-три, следовали остальные.

- Гляди, гляди, Ленид Матвейч! - снова вскричал Герман Минаич. - Сзади и пехота.

- Ну, так и есть! - убежденно добавил он. - Армия наша в поход тронулась.

- Походе, - согласился Туркин, рассматривая шедшее из станицы войско.

- Эй, лежебоки, вставай! - стал расталкивать спавших казаков Герман Минаич. - Вставайте, орелики, вставайте, ерой! В поход надобно иттить!

- Чево брешешь, в какой поход? - протирая глаза, спрашивали, так не во время, разбуженные казаки.

- В какой поход! - передразнивал оживленный Герман Минаич. - Пойди к есаулу, он тебе растоккуть. Сказано вставай, значитца, вставай!

Взводы быстро поднялись, казаки разобрали винтовки и стали строиться. От конницы, под'ехавшей к Первому Топю, отделился всадник, легким наметом помчавшийся к Черепашке. За ним, тем же аллюром, помчался второй.

- Сам ево благородие - под'есаул Иван Федорыч. - узнал Герман Минаич.

Урядник Зорин, командовавший полусотней крикнул смирно. Поздоровавшись с казаками, под'есаул соскочил на землю, передал коня подоспевшему вестовому и собрав казаков в круг, сообщил им о постановлении военного совета продвинуться к Дону.

- Конный взвод, - сказал он между прочим, - везет вам две цинки патронов. Данил Трофимич достал где-то на хуторах. Патроны, ребята, берегите. Зря, в ворон, не стреляйте.

- А в каком порядке пойдём, Иван Федорович? - спросил Туркин.

- Мы остановимся у Черепашки, - ответил под'есаул, как всегда свежее выбритый, кроме обычного своего боевого облачения - шапки и револьвера, имевший еще бинокль. - Отсюда мы пустим конную разведку за Прорву. Если до Моста и Ясовского красных не встретится - пойдет пехота. Одну полусотню поведу я по главной дороге на Задонский... А второй будет командовать Сергей Иванович Машкин. Правым плечом он выйдет левой хутора, к месту впадения Прорвы в Дон. Там, говорят, у них переправа и возможно - застава. По занятии дожского берега будем охранять его и ... ждать событий.

Под'ескал конный взвод. Сотник Просвиркин, не слезая с лошади, спросил под'есаула:

- Можно ехать, Иван Федорович?

- Поезжайте с Богом, Взагодий Дмитрич. Не забудьте послать раз'езд к Ясовскому.

- Будьте покойны, все сделаю.

Взвод проехал и скоро скрылся в дубняках.

- Пехота же пойдет так, - обращаясь к урядникам, сказал под'есаул.

- Я возьму полусотню, что идет из станиц. Она посвежее немного, ее еще вчера, заметно, сняли с позиции, чтобы отдохнуть, как следует. А ваша полусотня с хорунжим Машкиным - он сейчас подойдет - направится к Ясовскому. Противника там вы вряд ли встретите, а если и встретите, то всего караул какой-нибудь. С ним вы легко управитесь ...

Скорым маршем подошла полусотня Фростовиков. Хорунжий Машкин, приведший казаков, подошел к под'есаулу и не теряя времени, стал обсуждать с ним детали предстоящего похода, уточняя наспех разработанный вчера вечером план действий. Казаки же, не выпуская из рук винтовок, расселись по берегу ямин-озерца. Завязался оживленный разговор. Парни из молодого взвода с жаром делились впечатлениями от вчерашней стычки. Фростовики - в большинстве пожилой народ, отбывавшие немецкую войну во второй и третьей очередях, усмекаясь, слушали. Для них вчерашняя атака "сосунов" была самым обыкновенным делом и на той, "настоящей войне", о ней не стали бы и говорить...

Взошло солнце, воздух заметно нагревался, пропадала, высыхая, роса. Пролетали птицы, каркали в лесу вороны. С соседнего илистого затона, неуловимо махая чрезмерно длинными крыльями, вытянув назад ноги, тяжело взлетели потревоженные цапли. Казаки встретили их появлением веселым смехом и шутками.

- Короньсь, короньсь! - кричали они, прикрывая соседа сурожкой. - Чапуры! Тисут!

- Ерапланы летят!

- Минамч! Это покляше твою ераплана будет!

- Я вот вам..., - беззлобно грозил им пальцем Герман Минамч.

- Иван Федорович, а как раненые? - спросил под'есаула Туркин.

- Ливы пока. Фельдшер не отходит от них.

- Значица, помруть, - уверенно произнес Герман Минаич, все время державшийся поблизости от начальства.

- Почему вы так думаете, Минаич? - полюбопытствовал хорунжий Машкин

- А он меня, ваше благородие, чуточки не задушил порошками, када я хворал. Не прогони я его - помер бы. Ей-ей, помер бы! Да Господь надоумил... Опосля этого враз очунулся.

- Минаич, - вмешался в разговор Клья Цыганок, некогда не упускавший случая подтрунить над стариком. - А Лампешка всем балабонит, што это она тебя вылечила.

- Брешеть, с...а! - рассердился Герман Минаич. - Запопаду, выдеру ей космы-то! Шлюха!

Казак загрохотали.

- Это моя Михевна к ней все бегала. Чихнуть не даст, сейчас к Лампешке. Личняда-Личняда... Под хвост ей пурицу! Сколько разов, очунешь трощки, отарю глаза, а она, чортова баба, шепчить надо мной.., заговаривать .., все заговаривать ... Через платок водой збрызгивала, травой отпаривала ... Ну, опосля, трощки в силу поехали ... Так я, тово... и форшала и Лампешку к едреной-Фене. Приказ отдал Михевно - штоб глаза мои не видали ни форшала, ни Лампешки! Выпор их обоих! ... Враз, говорю, полегло. А Лампешка - паскудная бабенка, ваше благородие. Одно слово - шлюха! - под общий смех закончил Герман Минаич.

От Прорвы показался конный. Под'есаул Колесов прочел вслух привезенное им донесение от сотника Просвиркина: "До Моста противника не обнаружил. От урядника Чурилина, посланного мною с десятью казаками к Вясовскому, получил словесное донесение, что у самого Вясовского красных нет. Чурилин продвигается дальше к устью Прорвы, а продолжаю движение к кутору Задонскому."

- Леонид Матвеевич, - обратился под'есаул к Туркину. - Пошлите скять ваши посты и мы тронемся. Посты пусть соберутся у дороги через ерик Прорвы и ждут нас там.

Прорву можно было перейти только в одном месте, там, где ее пересекала дорога. Первым переправился на ту сторону под'есаул, за ним пять конных, составленных сотником Просвиркиным при начальнике отряда. Брик был не глубокий, но все же сотне пришлось раздеваться, чтобы перейти его не замочившись. С шутками и смехом, сняв шаровары, казаки брели по воде.

- Не приведи Бог, ежели атакуют нас сейчас красноголовцы, - говорил Герман Минаич. - Как ты с ним без порток сражаться будешь?

- Умирем, как черки, - похохатывали педшие рядом с ним бывалые фронтовики. - Нам не впервой... Мы один раз с семи утра до десяти вечера на болоте у Стохода в воде пролежали. Помните, крабрые баклановцы?

- Головы поднять не давал немец. Чуть пошевелишься - очередь из пулемета... Посвистали пулечки над нашими головами в той день... Ни назад, ни вперед... Вылупились середь болот, а он нас и положил.

- И тоже без штанов были... В одних подштаниках начальник дивизии погнался по болоту донскую бригаду... Штаны снимали на берегу перед атакой...

- А кто был ваш начальник дивизии? - спросил Герман Минаич.

- Краснов генерал.

- Атаман?

- Он самый.

- Вон она што, - протянул Герман Минаич. Нельзя было понять одобрял или порицал Герман Минаич генерала Краснова.

На той стороне Прорвы быстро оделись и тронулись дальше. Пройдя с версту, сотня разделлась - половина, имевшая в своих рядах взвод "сосунков", с хорунжим Мажкиным во главе, свернула влево и глухой дорожкой, поросшей высокой, по пояс, травой, направилась к Вязовскому. Сам же подесаул Колесов повел свою полусотню по большой, тоже затравяневшей, но более торной дороге, ведущей к хутору Задонскому или Каргину, по прежнему, давно переименованному, названию.

По разделении пошли с мерами предосторожности. Вперед и по сторонам выслали дозоры. В головном, как и нужно было идти, оказался Герман Минаич, а с ним рядом, воспользовавшись тем, что с казаками был сам командир сотни, шел взводный урядник Туркин. Разговаривали мало. Герман Минаич зорко всматривался вперед, то и дело подставлял "лодочкой" ладонь к глазам... Иногда он приостанавливался на короткий миг, что-то бормотал и снова шел дальше...

А Туркин, казалось, совсем не думал о том, куда и зачем он идет. Ладно осматривался по сторонам, он весь был под обаянием новой для него лесной обстановки... Сизовь ветви густолиственных тополей и крапчатых дубов просвечивали золотые лучи поднявшегося высоко в небе солнца, огненные зайчики трепетали на влажной зеленой траве и заставляли молодого урядника в восхищении поднимать взор к чистому, притягивающему к себе бездонной красой, небу; иванюшки и прочая пернатая мелочь шныряли меж листвою, с веселым писком перелетая с дерева на дерево; чуть не на каждом шагу встречались сизоворонки и толчками перелетавшие, нарядные пустельги, или "вонючки" иногда оголтело, стайками взмывались кверху галки, оглашая воздух мелодичными вскриками, куда более приятными для уха, нежели горластое карканье ворон... Последних не было видно по-близости, но откуда то издали доносился и их горластый крик. Улавливая его, Туркин зполголоса запел:

Черный ворон, черный ворон,

Что ты вьешься надо мной?

Ты добычи не получишь -

Я, я казак, еще живой.

- Леонид Матвеевич! - Сдается мне, вижу я какую то кавалерию.

- Где, Герман Минаич?

- Смотри, во-он тамочки, у березы-то! Видишь?

- Это урядник Чурилин, - спокойно сказал Туркин.

- А што, если не он?

- Может и не он. Во всяком случае, это кто-то из наших конных разведчиков.

- Ты думаешь?

- Уверен, Герман Минаич. Прикинь сам - как товарищи коней через Дон переправят? На пароме? Рискованно!

- И то..., - согласился старик.

Всадники, обнаруженные Германом Минаичем, заметив сзади себя людей, рассеялись, повернули коней и остановились, подняли на высоте груди винтовки.

- Опасаются, - засмеялся Герман Минаич. - Мы боимся их, а они нас. - Он помажал конным фуражкой.

Один из них поскакал навстречу дозору. Это был сам урядник Чурилин.

- Здорово ночевали! - весело крикнул он, осаливая коня.

- Слава Богу, - ответил Герман Минаич. - Ну, как они, делишки-то Тарас Иваныч? Есть тут супостаты, аль нет?

- Есть, Минаич. Двух выследили, лазили по затону. Стрелять не стали, побоялись спугнуть их всех. Решил я обходить пехоту. Далече она?

- Сзади, Тарас Иваныч, вон она, - указал Туркин. - А вы далеко продвинулись?

- Моя лава сейчас же за Вясовским, идем вас.

- А вот и полусотня, - обернулся на шум шагов Герман Минаич.

К ним спешил уже хорунжий Машкин.

- Заместили что-нибудь? - еще издали спросил он.

- Так точно, господни хорунжий! Выследили двух, - докладывал Чурилин. - Мы не стали стрелять по ним, вас обмандали.

- Коропо сделали. Где ваши конные?

- Близко отсюда, сейчас же за Вясовским.

- Снимите их и идите сзади нас. Мы к Дону пойдем цепью.

- Слушаю!

Полусотня, рассыпавшись в цепь, пошла к озеру, скрытому со всех сторон заросшим на его берегах мелколесьем. Урядник Чурилин поскакал снимать своих конных из опасенья, чтобы они не оказались между двух огней.

Герман Минаич шел рядом с Туркиным, положив винтовку на изгиб локтя левой руки. Прошли Вясовский - большое озеро, известное, как изобилующее лилиями. Миновали затон, про который говорил Чурилин. Впереди были талаи, за талами, всего в полуверсте, Дон.

- П-па! П-па! П-па! - один за другим раздались три выстрела.

Пули пошли поверху, целкнули позади по листьям деревьев.

- Бегом! - крикнул хорунжий Машкин.

Цепь, вышедшая из леса, рванулась к талам.

- П-па! П-па! П-па! - снова раздались выстрелы, а через короткое мгновение целый рой пуль просвистел над головами бегущих казаков.

- Трах-тах! - оторвало впереди и далеко отдало по лесу залп.

- Лопись!

Цепь залегла.

- Трах-тах! - еще ударили со стороны Дона залпом.

Пули стали ложиться ниже, срывая пыльцу, они вбивались в песок перед самой цепью. Стреляло, если судить по залпам, человек пятнадцать-двадцать.

- Полусотня! Слушать команду! - крикнул хорунжий Машкин. - Полусотня... пли!

- Трах!

- Полусотня!... В атаку! Урра!..

- Трах-тах!.. - розануло в ответ от Дона.

- У-ррр-а-а-а! - заревели казаки, очертя голову бросаясь вперед.

У Германа Минаича запуталась в могах шапка и он упал. Турки на секунду приостановились, но увидев, что старик не ранен, бросились догонять цепь.

Выбежали на взгоросте на пологий песчаный берег и увидели на стремени Дона два баркаса, полные людей и быстро удалявшихся вниз по течению. С баркасов беглым огнем обстреливался весь берег. Казаки успели разрядить по красным по обоям. Дальше стрельба была бесцельной - баркасы, не прекращая огня, скрылись за изгибом реки. Пули сыпались где-то сверху, совсем не угрожая казакам, добежавшим до Дона и падавшим перед ним на колени - жальда томилась всех после быстрого, изнурительного бега.

А Герман Минаич, как упал перед Доном, так и остался лежать.

Турки забеспокоились - не сделалось ли дурно старику после такой встряски? Но опасения его не оправдались... Крихтя, Герман Минаич поднялся - лицо его было залито слезами... Порывистым жестом сорвал он с головы фуражку и бросил ее о-земь, вскричал:

- Э-эх, родной мой! Отвоовал - таки я тебя!

И снова, счастливо смеясь, залился слезами.

- Да ты што, сказился, Минаич? - смеялся один из Фронтовиков. -

Вот, чудила!

- Ково это ты отвоовал, Герман Минаич? - спросил, улыбаясь, урядник Чурилин, держа в поводу коня. Он скакал за полусотней и перед самым Доном даже обогнал ее.

- Как ково? А Дон? - закричал Минаич, накрываясь фуражкой, едва не скатившейся в воду. - Это тебе, Тарас Иваныч, шуточки? И-и, родной мой!

Казаки хохотали.

- А чево ты упал, Минаич, давеча, в талах? Ай, пуле поклон отдал? - дерил белую янпень зубов Илья Цыганок.

- Молчи, щенок! - огрызнулся, под смех отдыхавших после атаки казаков, Герман Минаич. - Не унади я, не ушла бы отселева красноголовцы. Я бы им показал.

- Ишь с маслом! - заливался смехом Цыганок. Ему вторил разругавшийся от бега красавец Божим, то и дело встряхивавший вспотевшими кудрями светлым волос - фуражку он потерял когда бежал по взгоросту и теперь собирался идти на ее поиски.

- Цыц! - уласно рассердился Герман Минаич. С поднятым кулаком, он угрожающе наступал на зубоскалившего Цыганка. Тот увилтнул и хохоча, отскочил от рассирепевшего старика.

Стрельба стихла. Конный, посланный наблюдать за отплывшими баркасами, вернулся и доложил, что красные пристали к огородам на той стороне, высадились и скрылись в бурунах... Корунжий Машкин, принимавший доклад, вдруг оборвал казака и прислушался. Прислушались и все остальные.

- Иван Федорыч лунку задасть красноголовцам, - прервал наступившее молчание Герман Минаич. - Ишь, зашкваривать...

Издали отчетливо доносилась частая ружейная стрельба, не прекращавшаяся ни на минуту.

- Чурилин! - крикнул Машкин. - Дуйте с шестью конными к начальнику отряда! - Может, нужна поддержка.

- Какая там поддержка, ваше благородие? - нахмурился, не соглашаясь, Герман Минаич. - Сычас все скончится.

- Поезжайте, Чурилин, - не обращая внимания на замечание старика, продолжал хорунжий. - И поскорей пришлите сказать, в чем там дело.

Берегом Дона, шесть казаков во главе с урядником Чурилиным, помчались на все усиливаясь вдали перестрелку.

- Туркин! - крикнул, явно нервничавший, хорунжий Машкин. - Назначьте караул в пять человек. Караул останется здесь. С караулом будут четверо конных, для связи. Объясните задачу караульному начальнику. Полусотня, встать!

На ходу построившаяся полусотня быстрым шагом пошла за хорунжим Машкиным по направлению к горевшему в четырех-пяти верстах бою. Туркин, расставлявший посты караула, нагнал спешивших казаков далеко в лесу. Хорунжий то и дело поглядывал на часы.

- Только через полчаса будем на месте, - с досадой сказал он Туркину. - Успеем ли? Вот, черти! Какую подняли стрельбу!

Впереди хлопотал несомкнувшийся ружейный огонь. Он то усиливался, то ослабевал, но ни на минуту не прерывался.

- Дьяволы! - сквозь зубы ругался Машкин. - Должно быть, всем кутором высьнаки.

Герман Минаич был вне себя. Свирепо ворочая своими добрыми, обычно, глазами, с трудом поспевая за быстро шагавшими казаками, он, не переставая, дёвал бороду - несомненный признак сильнейшего душевного расстройства...

На полпути карьером наметел конный.

- Скорей! - крикнул он, круто осаживая присевшего на задние ноги коня. - Красные идут в атаку! Их сила!

- Бегом! - обернулся к полусотне хорунжий.

Бежали с четверть часа. Впереди открылась большая, залитая солнцем, поляна. В полуверсте, слангом и рассыпавшейся на бегу в цепь полусотне, лежали стрелявшие красногвардейцы, поребонками приближавшиеся к опушке леса, где отстреливался с полусотней подесаул Колесов.

Казаки хорунжего Машкина открыли с сланга сильный огонь. В рядах красных произошло замешательство... Некоторые из них не выдержали и побежали назад... Этого было достаточно: обе полусотни, как по команде, поднялись во весь рост и бросились с двух сторон на противника. А с третьей стороны, неожиданно для всех - и нападавших и защищавшихся - отдельными кучками, - в лаву рассыпаться мешал лес, - вихрем вылетел на карьеро взвод сотника Просвиркина. В руках баклановцев засверкали на солнце обнаженные палаши... Началась рубка.

- Ура! Ура! Ура! - неслось по всей поляне к людям, обезумев, бежали вперед.

Красногвардейцев погнали к Дону. Но совершенно неожиданно для атакующих казаков, у самого берега их встретили таким бешеным огнем, что конница сотника Просвиркина вынуждена была поспешно отскочить назад, а расстроенные в атаке полусотни, не добрав до прибрежного бугра,

откуда безостановочно неся шивал свисающих, фырчащих и цокающих о твердое пуль, залегли. Атака была сорвана. Очевидно, красные имели за бугром сильный резерв, открывший огонь сейчас же по отходе, сильно потрепанной на поляне, красногвардейской цепи.

Перестреливались около получаса. Взвод урядника Туркина, отползший под огнем к лесу, от дерева к дереву, продвигался к берегу Дона, с целью зайти противнику во фланг. Когда Туркин очутился, наконец, у самого Дона, он не обнаружил ни одного "товарища" на том месте, откуда красные, всего десять минут назад, отстреливались. В версте от него, по правую руку, под прикрытием леса и крутого берега, отплывал, уносимый течением, на середину реки большой паром, полный людей. Туркин, со всем взводом выбежавший на видное место, замажал фуражкой. Сотня поднялась, но когда она подошла к Дону, паром стоял уже на другой стороне, верстах в двух ниже по течению и был пуст - "товарищи" ретировались в Задонский хутор.

Стали подводить итоги двухчасового боя. Из станичного отряда выбыло девять человек ранеными, среди них командир конной сотни сотник Просвирикин и один "сосунок" - Занятка Зердинов - тщедушный паренек, державшийся в бою с примерной стойкостью, но "сомлевший" до глубокого обморока во время первой перевязки за дубом, под свист и щелканье пуль, при виде смоченного кровью рукава рубашки на перебитой левой руке... Убито было две лошади конного взвода. У красных потери оказались крупней: два красногвардейца были насмерть зарублены пашками, трое пали от пуль и двадцать два были подобраны ранеными - восемь с ранами от огнестрельного оружия и четырнадцать - от холодного. Большая доля кровавой работы выпала на конный взвод...

Раненых - казаков и красных - уложили в ряд на берегу Дона и стали перевязывать как умели и чем могли... Получился настоящий лазарет. Стоны, крики, стиснутые зубы, бледные лица... Казаки, оставшие от боя, окрикнувшие и усталые, повалились на траву. Один Герман Минаич с несколькими помощниками из своего "сосуновского" взвода - в их числе были и безпощадные к нему, неразлучные зубоскалы - Ефим и Илья Цыганок, - неутомимо оказывал "первую помощь" раненым: поправлял перевязки, таскал баклагамы из Дона воды им, подкладывал под головы сумки и просто пучки травы, успокаивал, иногда и прикрикивал на слабонервных, потерявших мужество, своих и чужих, словом, работал не покладая рук в ожидании подвода, за которыми наметом помчались в станицу конные...

Было далеко за полдень, когда сообщили, что обоз за ранеными, под командой Даниила Трофимыча, уже в лесу и с минуты на минуту под'едет к поляне.

Под'есаул Колесов, хорунжий Машкин, урядники Туркин, Зорин, Чурилин и другие взводные командиры, сидели, отдыхая и перекусывая, в тени деревьев, в сотне шагов от Дона. Чтобы не вызвать ненужной стрельбы с противоположного берега, под'есаул строго-на-строго приказал к Дону без нужды не ходить и не маячить на опушке леса. За водой посылали двух трех казаков с пустыми баклажками... Постепенно все утомили жажду и теперь, куря и разговаривая, лежали на траве, набирались сил...

- Ну, и выпал денек, - усмеянулся дон'есаул Колесов. Расотегнув китель, он вытирал потную шею смоченным в свежей воде платком.

Не смотря на усталость, эту естественную реакцию организма после большого физического напряжения, с осунувшегося и побледневшего от недавнего чрезмерного напряжения лица его не сходило выражение огромного довольства. Он радовался, как ребенок, получивший долгожданную игрушку, этому, не совсем удачному бою - разгромить переправившихся и в последнюю минуту ускользнувших красногвардейцев, в конечном счете, не удалось... Правда, около четверти их состава осталась на поле. Верно также и то, что мораль спасшихся большевиков несомненно понизится и на известный срок они оставят в покое правый берег Дона... Выиграется, таким образом, время, необходимое восставшим казакам организовать для дальнейшей борьбы... По настоящему же, надо было бы немедленно, не теряя ни одного часа, переправиться через Дон, не дать возможности потрепанному красногвардейскому отряду опраться, выбить его из хутора, отбросить подальше в степь, к железной дороге и, закрепив плацдарм на левом побережье, накапливать силы для захвата Царицына... Но, увы... Все это было неосуществимой мечтой... Вот, постреляли два часа, а у казаков едва ли осталось в подсумках по несколько пуль... С этим далеко не уйдешь и ни о каком наступлении сейчас нельзя и думать. Одного этого факта достаточно было бы, чтобы не очень то радоваться и торжествовать по поводу полуудачной стычки с врагом, имевшим потенциально неисчерпаемый людской и материальный резерв для ведения войны. И все же под'есаул Колесов радовался и, можно сказать, торжествовал, не проявляя, однако, ни одним словом того, что он переживал - стоишь раненым за его спиной обязывали к сдержанности. Для него сегодняшней день был тем решающим днем, которого он с великим нетерпением и тревогой ждал. В этом первом, удачном для станичной дружины, столкновении с большевиками выяснилось одно весьма важное, можно сказать - капитальное обстоятельство: фронтовики сделали, наконец, выбор - открыто и решительно отказались от нейтралитета в споре казачества с советской властью, став на сторону казачества. Это было все. Постепенно и с большим трудом, но материальная часть, в виде оружия и боевого снаряжения к нему, найдется... Важно моральное единение всех казаков в начавшейся схватке с захватчиками, во имя ложных идеалов вступивших на путь насилия и террора... Это единение станичные фронтовики сегодня блестяще проявили и это одно позволяло смотреть на будущее с надеждой... Вчерашнее столкновение "сосунков" с красногвардейской разведкой на лугу очень обрадовало всех в станице. Но маленький успех молодежи, кроме того, что он давал ей самой все-какую уверенность в своих молодых силах, другого значения не имел и не мог, разумеется, идти в сравнение с огромной моральной удачей сегодняшнего боя, где фронтовики - решающее звено антибольшевистски настроенных граждан станицы, на деле показали, что они вместе со всеми и готовы жертвенно отстаивать казачьи интересы...

- Кто же теперь раненых лечить будет? - спросил Туркин.

- Лечить то есть кому, да вот нечем, - ответил под'есаул. - Вчера в станицу приехал из Новочеркасска Семен Косенофонтович. Чем вам не доктор? Медик четвертого курса, в гражданской войне за доктора вполне сойдет. Беда, однако, с медикаментами. Тут дело совсем плохо.

- Чем дальше в лес, тем больше дров, - печально сказал лежавший рядом на разостланной шинели раненый сотник Просвиркин. Он был бледен, но спокоен. Пуля прошла навылет, не задев кости, через икру правой ноги. - Так это меня угораздило попасть под пулю? - продолжал недоумевать он. - Что же я теперь буду делать? Лечь в то время, когда вы будете воевать?

- Ничего, Евлогий Дмитрич, ничего, - улыбнулся под'есаул, - Еще успеете навоеваться. Пока вы будете отдыхать - мы будем стоять на этой стороне, выздоровеете - на ту сторону перемахнем.

- Да! Тут нам придется постоять порядочно, - сказал подхорунжий Гладков, бантест-баблаковец, заместитель выбывшего из строя командира конной сотни. - Ни они к нам, ни мы к ним.

Подшел обоз. На отдельную подводу положили убитых красногвардейцев, на остальные, по четыре-пять человек, раненых и печальный транспорт направился в станицу. Даниил Трофимыч привез целый воз провизии и сейчас раздавал ее взводам. На освободившуюся тачанку снесли трофеи: двадцать семь винтовок, гору подсумков и патронташей с изрядным количеством пуль, с десятком ручных гранат, несколько штыков... Даниил Трофимыч силл - началось пополнение станичного арсенала! Герман Минаич вызвался сопровождать раненых, что ему было охотно разрешено.

Но не забота о раненых влекла Германа Минаича в станицу. О раненых было кому заботиться. Был фельдшер - Павел Петрович, не очень долюбляемый Германом Минаичем, но все же фельдшер - "для раненых сойдет" - были "милосердные сестры" - целый взвод молодых баб... А теперь даже доктор приехал. Нет, старику сильно "гребтилось" самому, со всеми подробностями рассказать военному совету о сегодняшнем бое, рассказать так, чтобы все знали, какими героями оказались станичники, разгромившие "всю красную гвардию", осмелившую "переплыть на казачий бок Дона" ...

Туркин сразу понял намерение старика и он сказал ему:

- Герман Минаич, ты Расскажи там всем, что сотня поддержала казачью славу и не опозорила станицы.

- Будь покоен, Леонид Матвееч, доложу все по порядку.

- Скажите, Герман Минаич, атаману, что перед вечером я наеду в станицу, - пропросил под'есаул Колесов.

- Слушаю, ваше благородие!

Придется оставить сотни на правом, "отвоеванном" берегу Дона и последовать за Германом Минаичем... Встречать раненых собралась вся станица. Перед училищем, где остановился обоз, яблоку негде было упасть от толпившихся стариков, казачек и детей. Многие из казачек плакали, но большинство были хмуро-серьезны и только. Даниил Трофимыч, давно перевезший из своего цейхауза все натащенное ему госпитальное имущество,

с ног сбился, мастера из сена "пуховки" и рассылая всех попадавшихся ему на глаза за подушками и одеялами. Раненых прибыло столько, что запасного не хватило и приходилось снова обращаться "к сердобольным бабочкам" за содействием. В одном случае пришлось ему отказаться от излюбленного им метода угонивания и прибегнуть к более решительным мерам... Узнав, что большинство раненых - двадцать два человека - красногвардейцы, а из них только трое были задонскими казаками, казачки наотрез отказались что либо дать для них. Пришлось Данилу Трофимычу обратиться к атаману, пустившему в ход весь свой авторитет и власть, чтобы вышедшие из "морального" повиновения "бабочки" принесли все необходимое... Наконец, "гошпиталь" в тридцать три "кровати на полак" двух классных комнат школы был готов. Студент-медик Дударин, местный росак, вчера прибывший в станицу, деловито хлопотал, сортируя тяжело и легко раненых. Ему помогал немного растерянный Павел Петрович - фельдшер. Пришли матушка с учительницей, объединившие всех доброволько-сестер и - плохо ли, хорошо ли - лечение и уход за первыми жертвами начавшихся боев были организованы... Сотник Просвиркин был отвезен домой. Дордая, на смерть перепуганная Агафья Михайловна, увидя раненого сына, всплеснула руками, залилась слезами и едва не лишилась чувств. Стоило больших усилий убедить ее в том, что сотнику никакая опасность не угрожает, что рана пустяковая и что все, через две недели пройдет.

Правление было полно стариков, пришедших за новостями "с фронта". В атаманском кабинете заседал военный совет в полном составе - отсутствовали только офицеры и занятый устройством лазарета Данил Трофимыч. Председательствовал майор Иван Александрович. Дверь на ма́йдан была открыта настежь, в ней толпились озабоченные старики, жадно прислушивавшиеся ко всему, о чем говорилось на заседании.

Появление Германа Минаича было встречено одобрительными возгласами. Сам майор Иван Александрович, при виде торжественно настроенного старика, заулыбался и протянул ему руку.

- Слышали, слышали, Минаич, про твою ляхость, - густым басом произнес он. - Расскажи-ка нам, пожалуйста, про нынешнее геройское дело.

- Сою минуточку, Иван Александрович, дай передохнуть, - ответил Герман Минаич, только тут почувствовавший, как он устал.

- Да ты садись, Герман Минаич и рассказывай потихоньку, - предложил стул атаман.

- Наперед всево, тебе, ваше благородие, - повернулся к атаману Герман Минаич, - ево благородие - Иван Федорыч, велел наказать, што вечером он нагрянуть в станицу... Так што - иди... Ну, а теперьча, если вам охота слушать, расскажу я вам про цастье, накатила она на меня, старого хрыча, сегодня-нонче, с самого што-ни-на-есть раннева утра.

- Просим, просим, Минаич! Удруам!

- Дело было так, - начал Герман Минаич после короткого раздумья. - Сижу это я на пеньке у Черепашкиной ямки, сиду и гляжу кругом... Рано еще было, заря только што занялась, небунка заняла пламенем... Сижу я и думаю: Господи, чем удостоился я такую красу естества Твоего лице-зреть? За што такую радость посылаешь? И не вытерпел я, старая кочерыжка... Упал ниц и взмолился на восточную сторону. Царь небесный!

Пошли нам удачу в ратном деле, врага-суностата одолеть, на вечные времена выгнать его из станичного юрта... И как помолился я - ашнык, слеза прошибла, тихая радость на сердце легла. И понял я, грешный человек: услышал моленью мою Господь Предержадий! И сказал сам себе: разобьем мы, Минаич, красную гвардию конче. Спосля этого, пошел я будить своево взводнова, геройскова урядничка - Леонида Матвейча. Он вскочил и говорить мне: "Дорогой Герман Минаич! Будить нонича кровавая битва, сон такой, говорить, я видал". Потолковали мы с ним тронки и порешили вместе иттить на посты к Прорве. Только что убрался, глядь, а наша армия валом валит! Думаю себе - быть сражению! Ну, так она и вышла. Это благородие Иван Федорич раз'яснил нам - если встретим красную гвардию, чтоб пуху от ней не осталось. Опосля этого, побег я посты сдвигать. Кое-как собрал своих молодцов и махнули с ними к ерику. Переправились на другой бок, перекостились и тронулись в путь. С нами шел это благородие - корунки Сергей Иваныч, а с другой полусотней - сам это благородие Иван Федорич направился напрямки на Карги. С ним же, немножко наперед, поехал с баклановцами это благородие - Евлогий Митрич.

- Когда же вы выступили, Минаич? - перорбил рассказчика майор.

- Погоди, Иван Александрович, не перебивай... Сам все расскажу, - строго посмотрел на усмежнувшегося майора Герман Минаич. - А вышли мы как-то солнушка над тополями поднялась, не рано уж, часов, примерно, в шесть, али в семь... Д-да... Ну, вот...

- Целый час рассказывал Герман Минаич жадно слушающим его старикам о пережитом дне... Трудно, да просто и невозможно воспроизвести полностью весь его рассказ. И вот почему - не все, рассказанное им, в точности совпадало с действительностью... У Германа Минаича имелось не мало хороших качеств, снискавших ему всеобщее уважение. Но иногда, в особых, и - как сегодня, например, - исключительных случаях, рассказывая о знаменательных событиях вчерашнего дня, он выявлял некую черту своего характера, свойственную почти всем казакам его ранга. Заключалась эта черта в том, что все случившееся с ним и, в особенности, когда это случившееся было из ряда вон выходящим, он истолковывал событие до крайности субъективно, так что невольное искажение действительности являлось при этом почти обязательным и даже естественным, как неизбежное следствие подобного истолкования фактов. Разумеется, это не значило, что действительность искажалась им сознательно из тщеславия и желания пририсоваться - смотрите, дескать, какой я герой и что я совершил! Нет! Зная хорошо Германа Минаича, никак нельзя было заподозрить его в сознательной рисовке или вульгарном хвастовстве. Но также верно было и то, что рассказывая о какой либо удаче, вроде сегодняшнего боя, он невольно ставил себя в центре всего события. Создавалось впечатление, что сс, от начала до конца, в этом событии только потому и случилось, что он, Герман Минаич, сказал то-то и поступил так-то... Другими словами - удача получилась не от совокупности всех условий, а в значительной степени от той роли, какую пришлось ему сыграть. Роль же эта была не маловажной, ибо Герман Минаич все предчувствовал, все предвидел и все знал заранее, начальники с ним советовались и слушались его, а по приказывали ему и когда ему приходила в голову "хорошая мысль", ее все одобряли и ей следовали...

Вот для того, чтобы не создавалось превратного мнения о Германе Минаиче, человеку не плохом, лучше будет весь рассказ его о сегодняшнем бое

опустить. Необходимо, однако, подчеркнуть, что не забывая себя, Герман Минаич, по природной доброте своей, не забыл никого - все у него оказались героями...

Когда Герман Минаич окончил свое повествование, атаман встал и расцеловал храброго старика...

Растроганный и довольный собой и всеми, Герман Минаич вышел из атаманского кабинета. На правленском крыльце столкнулся он с молчаливым красивым стариком.

- Здорово живешь, Герман Минаич, - приветствовал его старик. - Ты с позиций? Не видал там сына моего?

- Леонид Матвеев - то! - вскричал Герман Минаич. - Да как же! Вместе спим, вместе хлеб жуем. Бройский сынок у тебя, Матвей Иванович! Прямо герой, право слово!

- Здоров он?

- Благодарение Богу, молодцом. Слышал, как он урядника огреб?

Матвей Иванович не мог сдержать довольной улыбки.

- Слышал, Герман Минаич, слышал, - произнес он, усмехнувшись. - Вот где все эти награды у меня сидят! - хлопнул он себя по щеке ладонью. Не спишь, все думаешь - не подстрелили ли его. Мать извелась все эти дни... Можно тебя попросить, Герман Минаич, посылочку передать Ленишке? Мать ему сухариков сдобных засушила.

- С великой душой, Матвей Иванович! Лениду - залуха бы донес!

- Вот, спаси Христос! Да передай, не в службу, а в дружбу, чтоб не лез сломая голову, куда не след. Присматривай там за ним, Герман Минаич, не откажи, ради Христа.

- Будь покоен, Матвей Иванович! - торжественно пообещал Герман Минаич.

- Я за ним, как за родным внуком слежу, глаз с него не спущаю.

Старик распрощался. Матвей Иванович передал Герману Минаичу сумочку сухарей и поехал на свой степной хуторок, где он имел маленькую водяную мельницу с овощной плантацией при ней. Герман же Минаич направился домой, где его ждала, плачущая от радости, раскудавная, но счастливая Михевна.

Бедная Михевна! Сколько пережила она за последние недели, когда ее "шлопутный" изменил своему бугаю, бросил дом и с головой ушел в ратное дело. Если бы кто захотел и сумел заглянуть ей в душу, он был бы поражен удивленным. Но беда была в том, что никто и не думал заглядывать в душу Михевне. Даже сам Герман Минаич, загоревшись священным огнем казачьего патриотизма, как то пренебрегал Михевной и мало уделял ей внимания. Он весь был в плену неотвязной мысли о том, что всем казакам сейчас необходимо величайшее напряжение сил, чтобы с честью выйти из создавшегося трудного положения, грозившего закончиться полнейшей катастрофой. Где уж тут думать о таких пустяках, как тревога, хотя бы даже, близкого человека. Он, ведь, и сам себя не капельки жалел и в любой момент готов был пожертвовать собой во имя спасения Дона... И Михевна, как и раньше, как почти всегда, оставалась одна со своими бабьими муками. С ней не советовались с важных делах, не спрашивали как она относится к тому или иному событию, только об'ясляли ей о готовом решении: напекли колобашек, Михевна, я завтра выступаю на позиции. И намучилась же старая безропотная безответная Михевна в долгие ночные часы. Проснется..., а его, Минаича - то, нету возле нее. Где он сейчас? Что с ним, в лесу, где стреляют красные гвардейцы какие-то, чума их

заборки?.. И пропал сок... Задумается старушка, загрустит, а слезы тем временем так и льются по ее морщинистым щекам. Всю подушку смочет, пока успокоится... Насчет слез Михевны ничего сказать нельзя - на то она и...баба, чтобы их лить... А вот насчет всего прочего: святого беспокойства о любимом человеке, с кем, в общем, не плохо прожила всю жизнь; неизбывной тоски, когда она осталась и почувствовала себя одинокой в пустом курене; душевного смятения, когда воображению ее рисовался тяжело раненый, истекающий кровью Минаич, брошенный на поле сражения; сердечных мук, скверно отзывавшихся на работе ее крепкого доселе сердца, все чаще ставшего "заколенивать", как только начинала думать она о переносимых Минаичем военных лишениях - "в его годы-то!": так вот, насчет всего этого, бедную старушку можно было от всего сердца пожалеть... И все же Михевна жила... жила надеждой на милость Божию... И эта надежда давала ей силы переносить непосланные ей судьбой испытания. Молилась Михевна подолгу и часто, молилась как умела, без слов, мысленно просила Божию Матерь, Заступницу за всех несчастных перед Богом, сохранить ей на старости лет раба Божьего Германа... О себе она ничем не докучала в своих молитвах... Сохранится Минаич - все будет хорошо - и ей, Михевне, и ему.., в этом она была непоколебимо уверена.. Великим несчастьем было то, что церковь долго пустовала. Отец Симеон целый год был в от'езде, где-то под Черкасском, ушел подальше от греха, когда началось "несуветное" и станцу заняли красные гвардейцы - сплошь безбожники, навроде "Засурман" каких... И свечки негде было поставить, нельзя было и молебна о спасении "раба Божья Германа" отслужить... И все-таки, не смотря ни на что надеждой (силась и ею шло) сердце Михевны... Кроме молебна и церковных свечей было у нее другое средство сохранить жизнь Минаичу. Средством этим в совершенстве владела Лимниада-знахарка... К ней Михевна и прибежала за советом и помощью. Так, за какие-нибудь шесть личек, раздобыла она у Лимниады щепотку "священной травы", "дуже помогавшей от смерти". Когда Минаич выступил на позиции, Михевна украдкой взяла чудодейственную травку в поле его шаровар. Минаич, пришедший тогда в краткий домашний отпуск, ничего не заметил, иначе была бы беда - Лимниада он же любил и травку "священную" обязательно вынул бы. Но чтобы быть вполне уверенной в сохранности Минаича, Михевна, в одно из своих посещений Лимниады, попросила ее "заговорить Минаича от пули". Лимниада с готовностью согласилась. Заговор она произнесла в присутствии Михевны проникновенным голосом, заставившим Михевну проникнуться глубоким уважением и признательностью к знахарке... Перекрестившись на передний угол, Лимниада, внятно и твердо - видно, не в первый раз она совершала обряд - произнесла слова заговора, заранее заверив Михевну, что все заговоры ее... "дело верное":

- На море-окияне, на острове на Буяне, лежит бел-горюч камень Алатырь, услышала Михевна. - А под тем камнем-доска, а под доской - тоска, под тоской - свинцовая гора. Из твою свинца пули выливаются, а те пули в тело воителей на войне вливаются... А вливаются пулечки свинчатные и в плохих людей, и в хороших, и в старик, и в молодеж... Рвут они тела белые, как рубашечку, крушат кости твердые, как песок морской, выпускают кровь, как воду льют... Но есть сила и на те пулечки свинчатные и сила та - заговор святой, заговор во име Божие... (Твечи ты, заговор святой, ту пулечку свинчатную от раба Божья Германа, чтоб здрав был и

невридим. Чтобы кровь-руда его не пролилася, чтобы кости его остались цельными... Во име Божие, слово мое крепко! Аминь!

Поверила Миховна в силу Лимниядина заговора, поверила, потому что хотелось верить, потому что - надо было верить... Без веры трудно, непосильно было жить... Эту веру и поддерживала, как могла, у страдающих "бабочек" дошлая Лимниядя, смуглая их скорби, утиная тоску и всели в них уверенность, что уж кто-то, а их-то казаки возвратятся с войны без царапинки....

Когда Миховна услышала, что Минаич в станице, она бросилась к правлению. Но увидев Минаича с жаром рассказывающего что-то начальству, поплелась домой.

- "Пудай дела сперва поделает, а потом и со мной поведается", - думала старушка.

Первым вопросом ее, когда Минаич пришел, наконец, домой, было:

- Надолго принес тебя Господь, Минаич?

- До ночи, Миховна. Отдохну трошки и с Богом, на фронт, - ответил, поздоровавшись, Герман Минаич.

Миховна поиняла головой, губы ее задрожали...

К вечеру в станицу приехал под'есаул Колесов. Он сделал обстоятельный доклад о событиях военному совету и на ночь поехал обратно к Дону.

У Черешанки нагнал он бодро нагавшего Германа Минаича. Перемигнувшись со стариком несколькими словами, под'есаул пустил лошадь наместом и быстро скрылся у Прорвы из глаз Германа Минаича, шентавшего не без некоей зависти:

- Ишь, молодость - то что значить... Как нули летить... Эрой!

П. Аврамов.

-----соо-----

ПЕСНЬ О ВОЗМУЩЕНИИ ДОНА .

Ой возмутился взволновался наш батюшка славный Тихий
Дон.

Ой е е ей ей от трех главных генераа-генералушков.

Ой с с ей ей от трех главных генераа-генералушков.

... ей от трех главных генералушков

Ой от первого графа Гудосоо-да ну Гудовича

е е ей ей от графаа было Гудоо-ну Гудовича

(начинается с повторения последней строки)

Ой от второго Алеши Попо-ну Поповича

Алеши По поо-все Поповича.

Е о ей ей от Алеши По поо-все Поповича

Ей от третьего сына Иловаа-Иловайского

Е е ей ей от сыночка было Иловаа Иловайского

Е е ей ей от сыночка было Иловаа Иловайского

Ой он любил игру карее - все картежную

Е е е ей ей все игруу да ну картео-ну картежную

(начало)

Ой играл играл он всюю ночь всюю ночь не спал.

Е е е ей ей ну играл о ну да всюю ноочь всюю ночь не спал

(начало)

Ой проиграл свою золотуу - золоту казну.
 Ее ей ей проиграл он свою золотуу-золоту казну.

(начало)

Ой проиграл он и своево воо-ворона коня.
 Ее ей ей проиграл он да своево воо-ворона коня.

(начало)

Ой проиграл он и молоду молодую жену.
 Ее ей ей проиграл он и свою молодую-молодую жену.

(начало)

Ой проиграл он все свое имее-чу именице.
 Ее ей ей проиграл он все свое имее ну именице.

(начало)

Ой проиграл он мундер с эполес- с эполетами.
 Ее ей ей и проиграл он мундер с эполес- с эполетами.

К о н е ц .

Этой песне научился я от своего отца еще до 14 года и мы с ним ее часто играли, после этого, но ее мало кто знал. Он ее нашел в одной очень истрепанной книжке, а мотив он знал от своих родителей.

В.Гаврилов.

ИЗ "МОИХ ЗАПИСОК"

В течение нескольких лет я вел "МОИ ЗАПИСКИ", отмечая в них события, эпизоды, типы людей и прочее, наблюдаемой мною жизни или отраженной в моей памяти.

На страницах "МОИХ ЗАПИСОК" я рассказываю между прочим о трех донских казаках, о которых мне пришлось встретиться в эмиграции.

Эти казаки, своим образом жизни и мышлением, выходят за пределы понятия об обычных людях, поэтому я и оставил о них память в форме литературных очерков под заглавием -

ОТШЕЛЬНИК, ДИВЬНИК И ВСАУЛ АБИЛОВ.

О Т Ш Е Л Ь Н И К .

В бытность мою в Сербии / это было в 1930 году/, мне пришлось побывать в одном небольшом старинном сербском монастыре. Монастырь этот расположен на маленькой площадке, у подножия большой каменной горы, вблизи реки Тисавы.

В монастырской ограде стояла маленькая старая церковь, два небольших домика - колоде и кое-какие постройки. Один, весьма старый монах, повел меня в церковь. На одной плите, вделанной в стене церкви, я заметил высеченную дату - 1477 год. В церкви веяло древностью: иконостас с старинной живописью, плиты пола, почерневшие стены, - все говорило, что церковь стоит века.

По выходе из церкви, монах предложил мне:

- Не хотите ли вы посетить нашего отшельника?

Он русский и живет в нашем монастыре. -

Я согласился. Монах вывел меня за ограду монастыря и указал на углубление в горе, в нескольких десятках шагов от монастыря.

- Там и живет наш отшельник, - сказал он.

Я зашел к отшельнику. На вид ему было не более 50 лет. Борода и волосы на голове составляли одну копну, из которой глядели задумчивые, карие глаза и выделялся острый нос. На мое приветствие - здравствуйте земляк! он коротко ответил: Аминь! -

В его пещере стояла сконная из жердей кровать, на которой лежали листья папоротника. Никакой мебели, кроме стола, не было. Посредине пещеры лежал большой камень. В углу к доске прибита икона Серафима Саровского.

Отшельник предложил мне сесть на камень и, подумав немного, сказал:

- Вы пришли посмотреть на странного человека и наверно хотите кое-что узнать о нем? -

- Да, если будете добры, расскажите мне, как вы очутились в этом монастыре? - спросил я.

- Развольте, слушайте и не осуждайте меня, - ответил отшельник. - Я еще не совсем окаменел, поэтому прошлая моя жизнь свежа еще в моей памяти и я к сожалению не могу забыть те радости и печали, которые встречались на моем жизненном пути. Грешный я человек ... -

Отшельник перекрестился, опустил голову и, помолчав немного, продолжал:

- Вы только не спрашивайте меня, кто я, где родился, чему учился, что делал и прочее. Все это ушло и я хочу теперь жить другим миром, миром размышлений и созерцанием мира Божьего:.. Мое крещеное имя Сысой. Монахи называют меня Симе.

В монастыре я уже пятый год. Летом я уединяюсь в свою пещеру, где никто не мешает моим размышлениям и моим молитвам. Остальное время я живу в монастыре, помогаю монастырской братии в их работе, пою и читаю в церкви и считаюсь их братом... -

Я не задавал своему собеседнику никаких вопросов. Видно было, что он доволен моим молчаливым вниманием и продолжал:

- Я борюсь со своими страстями, хочу побороть страх смерти, возвыситься духовно... Хочу видеть небо! На этом камне я часто и часто стою на коленях и молюсь Богу ...

- Вы, значит, подражаете Преподобному Серафиму Саровскому? - заметил я.

- Да, святым угодникам во всем надо подражать: их жизнь высокая праведная! Ради Бога, - просил отшельник, - никому не говорите, что вы встретили чуть ли не святого человека. Нет, я простой, грешный человек, ушел от греховного мира для очищения своих грехов...

Вот я сказал вам, кто я и зачем я здесь. Никакими поучениями я не занимаюсь и никаким примером для других не могу служить. Не достоин я этого. Если Господь укрепит мои силы и мой дух, я думаю переселиться на Святой Афон. Только на Святом Афоне люди высокой жизни. Простите меня. -

Отшельник встал и поклонился мне в пояс.

Я ответил ему тем же и молча вышел из пещеры, с чувством какой-то виновности перед этим странным человеком. Меня брало любопытство, кто же был этот отшельник? Я зашел к настоятелю монастыря и он дал мне такие сведения: - Брат Сысой Калинин, беженец из России, донской казак.

Д И В И И И .

В одном австрийском приюте для старых и больных беженцев умер в 1954 году докской казак, полковник Василий Тихонович Лавружин. После его смерти мне удалось получить небольшой сундучек с его книгами, нотами и написанными тетрадями. Среди них я нашел одну исписанную толстую тетрадь. Пересмотрев несколько страниц этой тетради, я заметил, что в ней велась запись в хронологическом порядке, в форме дневника. Передавать полностью все содержание дневника мне казалось излишним, поэтому я решил в сжатой форме передать то, что было характерным и примечательным, применил в некоторых местах цитаты из оригинала.

Первые страницы дневника были заполнены автобиографией: - Сын казака Ново-Николаевской станицы. Окончил новочеркасское инженерное училище, и, т.д. Дальше описывается служба в полку, первая мировая война. Описано первое боевое крещение, в котором он был ранен, а конь под ним убит разорвавшимся артиллерийским снарядом.

В конце описания боя, говорится:

- Наконец я дождался до счастливой минуты: я ощутил, что такое смерть? Пустыня... -

Под датой - Май 1920 год, Крым, идет размышление о гражданской войне, о покинутых родных краях, выражается полная надежда на победу над большевиками. - Не хочу и думать, чтобы мы не победили большевиков, эту банду, сброд, руководимый не русскими людьми. Перебрав в своей памяти недавние бои, пожары, грабежи и всякую другую мерзость, думается: Что это? Пришествие дьявола? Конец света?... А все-таки, во время войны было много, много интересных эпизодов, сильных ощущений... И это можно назвать жизнью, и не путь к смерти от обывательского прозябания, облыдания, пьянства и мещанского самодовольства... -

Июнь 1921 года, Лемнос. Описывается жизнь на Лемносе. - На меня произвела сильное впечатление речь командира кубанского корпуса, генерала Фостикова. Генерал Фостиков говорил: - Господа офицеры и вы - казаки! По Божьему ли наказанию или по нашей вине мы очутились на острове Лемносе. Теперь мы должны покаяться в содеянных нами грехах, скинуть с себя всю грязь, накопившуюся на нашей душе за время гражданской войны, очиститься, простить нанесенные друг другу обиды... Но этого нет! Я завален сотнями прошений, рапортов, жалоб, доносов. И все это поступает ко мне от вас. С болью в сердце разбираю я все эти дела. У меня нет сил вести борьбу с нашим моральным разложением...

Дальше в дневнике идет описание жизни на Лемносе с заключением:

-Как оглинешься назад, на недавнюю прошлую жизнь, правду сказал генерал Фостиков: скинуть с себя всю грязь... Самое подходящее время и место. -

С Лемноса полковник Лавружин был переведен в Болгарию, где прожил до начала войны Германии с Советским Союзом, в 1941 году.

Жизнь в Болгарии характеризуется так:

-Мы были приняты болгарами по родственному. Они нас называли братьями. Болгары проявляли много забот о нашем материальном и социальном благополучии. Только болгарские коммунисты смотрели на нас косо и часто говорили нам в лицо:

- Вы бояре, капиталисты, поэтому и бежали от народного гнева... -

Август 1942 г. Я в Русском Охранном Корпусе на Банице, в Белграде.

Я встретил там многих прежних своих сослуживцев. Настроение у всех бодрое, полное веры в победу над коммунистами. Несмотря на солидные годы, все бодро шагают, учатся стрелу, повторяют старое. На Банице чувствуется воинственное настроение и уверенность, что скоро будем в родных краях. Я также рад, что в этот раз и, наверно, последний предстоит борьба с заклятым врагом-коммунизмом. Дальше идет описание службы в Корпусе на охране железных дорог и разных военных объектов.

Описывается печальный случай убийства, во время одной разведки, немецкого унтер-офицера. Случай такой: Приняв немецкое отделение за партизан, полк Лаврухин приказал своему взводу открыть огонь и тут же был убит немецкий унтер-офицер.

- На моей душе грех... Он гнетет меня. А всему виной моя торопливость и горячность. Прошу прощения у Бога. -

Подводя итог своей службы в Корпусе, полк Лаврухин пишет:

- Я пошел добровольно. Моя совесть чиста. Я исполнил долг перед своей родиной и казачеством... Мы побеждены физически, но дух наш непреклонен и непримирим к врагу никогда не иссякнет. -

Закрывая страницы своего дневника полк Лаврухин пишет: - Благодарю Всевышнего Бога, что Он дал мне здоровье и неунывающий дух. Я выполнил свой долг перед своей родиной и перед людьми. С чистой совестью предстану перед Богом и дам ему ответ о своей земной жизни. Когда оглядываюсь назад, на всю свою прошлую жизнь, я говорю: Как прекрасна была моя жизнь. Аминь.

ЕСАУЛ АВИЛОВ.

В городе Риде (Австрия), в больнице-приюте, в котором и я прожил пять лет, мне приходилось беседовать со всеми находящимися там казаками.

Один мой собеседник, донец, есаул Яков Тарасович Авиллов, отличался от остальных казаков своими особыми взглядами, как на прошлую казачью жизнь, так и на настоящую в изгнании, а также имел особое свое мнение в решении казачьего вопроса.

Есаул Авиллов - старый человек, ему 70 лет. Он был прикован своей болезнью к кровати, но духом не падал и всегда был бодр.

- Я не люблю пустословия, - говорил он. - А если говорить, так нужно с пониманием. -

Главная его особенность была в противоречии. Если он высказывал какую либо мысль, то считал ее неоспоримой. Доказывать ему противное бесполезно: он все равно не согласится с вами.

О прошлой казачьей жизни, о казаках, он высказывался так:

- Простые казаки - народ хороший. Бред ли в России найдешь таких исправных граждан, как были казаки. Наша казачья интеллигенция портилась и заражалась от русской интеллигенции всякими вредными учениями, вроде социализма.

Есаул Авиллов читал книги и газеты. Когда прочтет в Новом Русском Слове отчет о каком-либо собрании, вечере или бале, приходил в ярость.

- Смотрите, Иван Еремеевич, - говорил он мне: - Наши опять заговорили, опять пляшут, гарлакают песни... Неужели они не понимают, что мы всю Россию и вместе с ней казачество проговорили? Ведь если казаки любили когда-то погулять, поплясать, песни спеть, так ведь это было все уместно, казачий дух сказывался. В каждой станице лучший песенник

или танцор были в почете. Вот казак, так казак!

Покажет развязку, говорили старички. Неужели американцев можно удивить нашими плясками и песнями? Ну, ну, пляшите. доплянитесь, как и договаривались... -

Я пробовал доказывать есаулу Авилову, что, мол, наши казаки в Америке живут в достатке, в нормальных условиях и хорошо делают, что чтут казачьи традиции, но он твердил свое: - Нет, это неправильно: это портит казаков. -

Каждую прочитанную газету или журнал он испещрял своими замечаниями. Найдёт какое-либо место в газете не по вкусу, подчеркнет и поставит пометку: . Плохо понимаешь дело... Не суй свой нос, куда не следует... -

Словом, над прочитанной статьей или информацией ставит свою резолюцию. Часто в конце газеты напишет: - Просто нечего читать. -

Особенно критиковал он Общеказачий Журнал. Я дал ему этот журнал, номер десять, где была помещена моя статья - Казачий Край.

Он прочел эту статью и заявил мне:

- Так-то оно-так, да никакие казаки не пойдут в ваш Казачий Край: Кубанцы пойдут на Кубань, татары на Терек, уральцы на Урал, и так далее.-

Есаул Авилов рассуждал: - Чтобы сохранить казачество за рубежом, нужно всех казаков собрать в одном государстве. У Америки земли много, дадут. А если не дадут, так незачем туда и ехать. Езжай в Аргентину, там земли много, дадут. Главное, чтобы сесть на землю, а остальное можно устроить на казачий образец. А те уехали в Америку, сели в машины и поехали, а куда едут, и сами не знают.

Всех земледельцев казаков заставить пахать землю, да не машинами, а заводи быков, лошадей и пашь на них.

Ну, а какие же теперь казаки? Машинисты, трактористы, фабричные рабочие, торговцы и прочее. Нет, брат, ты если хочешь остаться казаном, так садись на землю, пашь сей, разводи сады, огороды, женись и гуляй свою свадьбу целую неделю. Какой же это казак без коня, без быков? А если этого не будет, то и казачеству больше не быть! -

Наверно с этой уверенностью есаул Авилов пошел и на тот свет. Он умер в 1955 году.

Много своеобразных планов ютилось в голове у этого больного человека, много странностей проявлял он, но был казак душой.

И. Тапилин.

КАЗАЧЬЯ ПЕЧАТЬ.

" РОДИМЫЙ КРАЙ " (№28) Закончена довольно большая и обстоятельная статья Е.Ковалева " К 40-летию Мамонтовского рейда", печатавшаяся в нескольких номерах. Он обещает написать и п о с л е с л о в и е к этой статье, где, вероятно, произведет и общую оценку этого рейда, о котором так много говорили и говорят еще. Будем ожидать.

Интересна статья И.Н. Плахова " Как не надо писать историю"; он указывает на ряд ошибок в написании казачьей истории, напр., что Бурацкой ст-цы нет; мы должны сказать, что такая есть - в Хоперском округе, на Хопре; расположена она между Правоторовской и Тишанской ст-ми. Но тут ставится вопрос - есть-ли необходимость перечислять станицы? Ведь в Донском Войске, вероятно, как и в других, есть " Справочные книги", где перечислены не только все станицы, но и хутора, и речки, и балки. Лучше

было-бы, если-бы тот-же М.К. Гаврилов занялся бы исследованием того, почему станица носит свое название, напр., та-же Бурацкая, Правоторовская и др. Затем, собиранием материалов о том, как станицы "драм(з)ить" одна другую; ведь это-же любопытнейший материал; кое в каких казачьих журналах об этом есть сведения, но они разбросаны, их надо-бы собрать, систематизировать; это, конечно, нелегкая работа, но ведь даром ничего не дается, и такой составитель оставил-бы о себе какую-то память.

Далее, И.П. Плахов пишет, что "к сожалению, мы, Донцы, до сего времени не знаем даже точного числа боевых единиц, выставленных Доном в войну 1914-1917 гг.", об этом, действительно стоит пожалеть.

Затем о Крючкове. Тут произошла "перепутаница"; у Козьмы Крючкова было два брата, один из которых был безногий инвалид войны 1914 г.; вот этот то Крючков и мог иметь полный бант. П.А. Соколова описала (Раз.Кр., №5, 1955 г.) свою встречу и с отцом Крючковых и с самим инвалидом Крючковым.

Упомянул он также и ген. Мамонтова. Станица Н.Чирская была освобождена казаками Суворовской станицы 19 марта ст.ст. 1918 г., а не Мамонтовым, который находился еще в донских степях, тогда как по Н.М. Мольникову в половине декабря 1917 г. ген. Мамонтов уже находился в станице Н.Чирской. Вероятно, вопрос этот разрешит время начала Степного похода, куда ген. Мамонтов и мог уйти.

Трогательно окончание заметки о ген. Г. фон Панвице - "Родившись Немцем, он умер Казаком".

В статье Эльмут отмечен инцидент на могиле Казаков, казачьей Голгофе, в Австрии, когда Владыка Стефан, служа панихиду, не поминал Казаков, собственно погибших здесь, а поминал Имп. Николая 11 и всех русских людей; после же панихиды он произнес проповедь, в которой о Казаках, здесь погибших, о которых собственно и служилась панихида, не было сказано ни слова. Когда свещ. Кулеш спросил у епископа слова, тот не разрешил ему его сказать, тогда свещ. Кулеш по собственному почину / правильно! / начал говорить, что здесь похорономы погибшие Казаки и мы приехали для того, чтобы молиться о них, а не служить панихиду по Имп. Николаю 11 и другим русским людям вообще. Владыка Стефан демонстративно повинул кладбище.

Владыке Стефану следовало бы проявлять свою демонстрацию всякий раз, когда к нему обращаются монархисты служить панихиду по Имп. Николаю 11, отказывая им в этом служении, как недостойным ее, неударившим палец о палец для спасения своего Императора!

Из рассказов помещен отрывок из романа "ЗА КРАЙ РОДНОЙ" П.М. Абрамова. В нем превосходно описана психология одного молодого казака Едима который предчувствовал свою смерть и он, действительно, был убит в первом же бою с красными.

Номер 29 "Р.Кр." посвящен КАЗАЧАМ, главным образом их работе в военное время; но кроме военного времени и в мирное время деятельность ея была велика, когда Казак уходил на 10-15 и даже 18 лет на тот "погибельный Кавказ", хозяйство было все на ее руках.

Странная статья Н.М. Мольникова в защиту А.И. Деникина. "Прогрессивно настроенный, бывший в в интеллектуальном и моральном отношении неизмеримо выше своего окружения, всей создавшейся обстановкой А.И. Деникин вынужден был опираться на людей, пропущенных узкими интересами класса. Все его руководящие указания наталкивались на упорное сопротивление среды, не воспринявшей их духа и их вопиющей необходимости".

В этих словах Н.М.Мельникова немало орадерства, обычно ему присущего и на которое мы, Казаки, так часто падаем.

"Вынужден был опираться", "упорное сопротивление" - почему-же Деникин, когда Кубанцы проявили "упорное сопротивление", повесил свист. Кулабухова и с десятком выслал за границу, почему-же он не сломил таким-же способом упорства лиц, "проникнутых узкими интересами класса"?

"КАЗАЧЬЕ ЕДИНСТВО" (1938, 39, 40). В №38 обращает на себя внимание слова, высказанные П.Ф.Кржковичем в его передовой статье " Природные " и " приписные " казаки, что " Донским Атаманом обязательно должен быть Донской Казак с ВОЕННЫМ СТАЖЕМ , тогда как Оруженным Атаманом может быть Казак и без военного стажа " (цитируем в его исправленной / 1939, ст.34 / редакции). Мотивом такого его мнения служит то, что " Донской Атаман, как вождь Донской Армии и Флота должен знать военную службу и уметь соответствующе применить ее к защите Республики Донских Казаков".

С таким мнением никак нельзя согласиться.

Этим грубо и без нужды нарушается равенство всех граждан Донской Республики - одни могут быть избранными Президентами / Атаманами /, а другие - лишены этого права; это нарушает и донские традиции: "лучшие те, кого выберем". Выбирали, правда, военных, но это было по тому, что на Дону гражданская жизнь не была развита, а только военная служба; но теперь, когда жизнь осложнилась, когда в задачи Президента входят и многие другие обязанности, как напр., высшие сношения, сельское хозяйство и много других отделов, то тут уж никакой человек с каким-бы великим военным стажем он ни был один он не сможет это об'ять, ему нужны будут помощники-специалисты, т.е. министры. Тогда почему-же Президенту / Атаману / с военным стажем можно иметь сотрудников не по его специальности, а Президенту / Атаману / без военного стажа нельзя иметь сотрудника специалиста по военным делам? Ведь будет-же Военное Министерство, которое и займется военными делами, быть-же Главнокомандующим военными силами во время войны Президент / Атаман / не всегда может, хотя он и является Верховным Вождем Армии и Флота (ст.36 Осн.Зак.В.В.Д.) так-же как и Президенты всех Республик.

Стоит только представить себе, что Президент / Атаман / будет избран неудачно, неспособен вести не только больших сражений, а и командовать дивизией ему трудно, все равно его заменит другое, более способное лицо, хотя он и останется Верховным Вождем; но таким Верховным Вождем свободно может быть и штатский человек, как был, напр., во Франции (в 1913-1920 г.) Р. Пуенкаре, адвокат.

Штатские лица, как Черчилль (руководивший ютландским морским боем из своего кабинета в Лондоне), Гитлер, Сталин / Дзугашвили / они неплохо руководили нападениями или защитой своей страны, хотя они и были без военного стажа.

Автор, как видно, по памяти процитировал ст.20 Осн.Зак.; она гласит так: "Донской Атаман избирается Войсковым кругом из Донских казаков на три года"; ни о какой "природности" в этой статье нет и речи.

Все эти рассуждения об обязательном военном стаже пахнут уже старинкой; новая жизнь предъявляет и новые требования.

В № 39 следует отметить в статье Ивана Коржа. " Принять или отказаться " такой абзац:

" Я, когда решил писать этот свой ответ Ткачеву, решил также, что пришло как раз время поставить перед всеми Казаками один вопрос ребром.

" Уже во времена двух войн: в годы 1918-1920 и 1942-1945 Казаки не-

кали помощи и поддержки у внешнего мира в своей борьбе с русским большевизмом. Еще живые участники борьбы хорошо помнят, как отказ Англии и Франции в помощь Казакам в 1919-м году решил казачью судьбу, а помощь, оказанная тайно же Англией и Францией Деникину, не помогла ни ему, ни нам...

" А что сейчас?

"Бесспорно, что казачьи патриоты добились явного успеха на внешнем фронте. Имеем в виду Резолюцию-Закон, установившую в Америке "Неделю Порабощенных Народов".

" Этот успех всполюшил Русских (вернее Великороссов, ир.Ред.) и горе-Казаков.

" Так мой вопрос всем Казакам - короткий, но капитальный - таков:

" Что-же, принять нам, Казакам, ту большую моральную поддержку, какую нам оказала Великая Американская Республика, являющаяся сейчас лидером Мира Свободных Народов, или не принять?

" Принять ли нам, Казакам, успех казачьих патриотов за свой успех Общеказачий и всем встать в единые ряды Казаков без всяких уклонов и оговорок? Или отказаться от такого первого большого казачьего успеха, а покориться на волю горе-Казаков и идти за ними - куда? - Ну, очевидно, в колонии их "покропитской".

" Выбирайте, братья!

" Но, помните, что отказа исправить было-бы уже нельзя".

В настоящее время Казачий вопрос вступил в ту фазу, когда он ставится сам собой во всей своей остроте: быть или не быть? Великороссы, здешние, не признают Казаков за народ, даже за когда-то бывший, а считают их как бельев от Великороссов колонов, ставших благодаря своей воинской службе с о с л о в и е м .

Прямо поставленный В.В.Черошневым вопрос: " Харакири или место под солнышком" остался, собственно, без ответа. Великороссов здесь немало, есть и культурные силы, но ни один из них не пожелал потрудиться, чтобы беспристрастно подойти и изучить казачий вопрос.

Что-же касается того, как "там" обстоит дело, то там едва-ли и существует этот вопрос - территории разделены и казачья земля исчезла с карт, хотя, напр., Дон и был объявлен Дюкской Советской Республикой...

Призыв И.Морза очень своевремен, но последуют ли ему? Уж очень глубоко внедрилось разделение между нами, причем разделение пропитано и ненавистью.

Правда, в №40 помещен " Протокол заседания 14 августа 1960 г.", инициативной группы Казаков Парижа и его окрестностей под председательством полк. А.С. Квашкова и секретари Д.И.Братчикова.

Приведем некоторые его основные положения: в Европе и в Америке - создаются свои Казачьи Союзы, созывая круги одновременно, а потом уже им легче об'единиться в одно целое; будет-ли глава этого об'единения называться Председателем или Атаманом зависит от Круга;

В казачьей прессе все бывшие недоразумения прекратить, прилагательное " верховный " аннулировать.

Казачьему духовенству ... чутко приступить к решению вопросов о реформе будущей автокефальной казачьей Церкви.

Пожелаем инициативной группе полного успеха.

" КАЗАЧЬЯ ЖИЗНЬ И ЛЮБАЧЕ ГИТТИ (№88,89,90). В №88 помещена статья "День, посвященный флагу " / САСИ / на английском и русском языках В. Карпушкина. Это ясная, точная история американского / САСИ / флага,

с которой всем Казакам, проживающим в САСИ, следует ознакомиться и постепенно узнавать историю САСИ, так благородно об'явленным "Неделя поработенных народов", в число которых вошла и КАЗАКИЯ.

Кроме того, мы должны отметить еще одно отрадное в нашей казахской литературе явление: статья эта написана точно, ясно и определенно, без всяких неужных уклонений в сторону от прямой темы, чем мы, Казаки, часто грешим.

Его-же статья и с теми-же достоинствами "День независимости" помещена на английском языке в №89 "К.Д."

Во всех этих трех номерах доминируют статьи, направленные на то, чтобы доказать отдельность происхождения Казаков от Великороссов, а также подчеркнуть некрасивое и жестокое отношение Великороссов к Казакам.

"КАЗАК" / парижский / № 55, 56, 57 / Кроме обычных выдержек из Святикова, лишней раз напоминающих об отношении Великороссов к Казакам, кроме "Сорока лет тому назад" в этих номерах немало статей, посвященных недавно всплывшему спору, начатому Чеботаревым, подобно статье Вайдалова о Ермаке, спору, подхваченному Ганусевичем, Самаркиным и другими. На это откликнулись В. Панасенко, Н. Сухенко, Н. Молчанов, Е. Текучев, В. Комаров.

Особенно хороша статья Н. Сухенко - "Мой ответ Чеботареву". Из нее я удержал бы один абзац, который выражает почти всю ее сущность.

"Ни сочувствия казахскому горю, ни жалости к страдающим казахским детям среди русских / Великороссов, Обзор. / припльцов я не видал".

И второй: "Я не встретил ни одного русского / Великоросса, Обзор. / на казахской земле, который выразил-бы хотя бы малейшее сожаление по казахскому адресу. А иногородние рисовали о Казаках самые дикие и невероятные выдумки, представляя Казаков, как бандитов, паначей, лодырей, царских слуг и т.д., и т.д."

Но, несмотря на ценность этих статей, все-же они не представляют прямых возражений против слов Г. Чеботарева, который утверждает, что Казаки не представляют собой особого народа, что не было казахского языка, что не было и казахского государства.

В связи с об'явлением САСИ "Неделя поработенных народов", в число которых вошла и Казакция, между Казаками "великорусскими" и Казаками националистами вспыхнули горячие споры о том, были ли Казаки особым народом, была-ли у них своя религия и был ли, наконец, у них свой язык?

Что Казаки вообще, был особый народ, это видно хотя-бы из следующего сравнения: "были новокрепленные Татары" - Татары народ, были "новокрепленные Калмыки" - Калмыки народ, были и "новокрепленные Казаки" - Казаки народ, следовательно, Казаки были и другой веры, раз они "новокреплены".

У Казаков был и другой язык. В 1508 г. Иван 111 писал городецам Казакам и всем "нашим людям", а в конце грамоты написал: "дана им грамота по русской да по татарской", не своим-же людям дана она по татарской!

В 1614 г. Земский Собор писал к Волжским Казакам "татарским письмом" (Этих волжских Казаков не следует смешивать с другими волжскими Казаками, созданными в эпоху Екатерины 2-ой из донских Казаков.)

В Посольском приказе были для Казаков и особые переводчики, называвшиеся "толмочами".

Все это можно проследить по официальным документам, исходящим от Московских властей.

Сама Москва рассматривала Дон, т.е. Донское Войско, как совершенно независимую от нее организацию.

Г. Котошкин, под'личий Посольского Приказа, т.е. Ми.Иностр. Дел, пишет, что в Посольском Приказе было два отдела; в 1-ом ведались дела чисто дипломатические - сношения с иностранными державами, прием послов и т.д.; во 2-ом же отделе ведались дела крупных областей московского царства, которые в прежнее время сами были самостоятельными государствами; так был приказ Великорусский, в нем ведались дела бывшего Московского царства, прованного Великой Россией; был "Малороссийский" приказ - дела Малороссии, нынешней Украины; Смоленский - Белая Россия; Новгородский - Господин Великий Новгород; Казанский - дела Казанского и Астраханского царств.

Однако, Дон ведался в его первом отделе, т.е. чисто дипломатическом, где ведались дела ОКРЕСТНОГО ГОСУДАРСТВА, следовательно, Дон признавался Москвой за "ОКРЕСТНОЕ ГОСУДАРСТВО", а не за часть своей московской территории, ибо тогда сношения велись бы через приказ Великорусский. / И.П. Буданов, "Дон и Москва" кн. 1,61 / И еще Котошкину пишет: "а как они /донские Казаки/ к Москве приезжают и им честь бывает такого, как чужеземским нарочитым людям".

Книжки 1,11 и 111 "Дон и Москва" И.П. Буданова с богатейшей документацией дают возможность бороться с "Чеботаревыми", но, к сожалению, издатель 11 и 111 кн. почему то "блокировал" эти книжки и не продает их даже когда ему высылают за них деньги, то он возвращает деньги обратно.

Кому на пользу работает издатель? Все это наводит на темные размышления.

Мы, к сожалению, не можем дать более детальных соображений по этому вопросу, что заняло бы много места.

" ДОНСКАЯ ТРИБУНА ". Вышел новый казачий журнал "Д.Т.", редактируемый и издаваемый А.Б. Алимовым.

Что можно о нем сказать? Т.к. в нем нет никаких статей других авторов, кроме самого редактора, то все изложенное в нем надо отнести к мыслям и думам самого редактора.

В главах " О жизни под царем ", " О политике и политиках ", " И трагедии Земли Донской ", " К характеристике духовного содержания царского казачества " повсюду повторяется более или менее уже известное, хотя, конечно, и известное надо время от времени повторять, особенно в другом освещении; но это другое освещение не должно быть слишком односторонним; так, напр., под 250-летним муто-дворянским режимом, " немалокультурностью-ли объясняется наша особенная воинственность? "; затем, рисуя всем известную нам отсталость нашего казачьего сельского хозяйства, нельзя упускать, проходить молча и образцовые хозяйства и хозяев.

Но всякий отдел журнала сводится к тому, что у нас нет " Донского кооперативного института ", в котором автор видит панацею (лекарство от всех болезней) от всех наших бедствий и политических, и моральных, и экономических.

У казаков, по крайней мере, донских потребительская кооперация и ссудо-сберегательные кассы были широко развиты, но здесь, за границей, никакого кооператива нельзя создать, как однажды об этом уже писалось в КИС и повторять этого не будем.

Какая в дальнейшем обнаружится сизнономия этого журнала, покажут его дальнейшие номера, но ... есть и "но", но о них мы скажем потом.

Обозреватель.

-----000000-----

БИБЛИОГРАФИЯ.

Вышла в 1959 году книга В.А. Беляевского " Правда о ген. Деникине ". Книга, заставляла многих говорить о себе, и вполне по заслугам: она впервые прямо поставила вопрос об ответственности ген. Деникина за неудачу так называемого " Белого движения ", по существу же " Казачьего Движения ", т.к. оно началось казаками на казачьей земле (Донской), поддержано казачьими людскими и материальными средствами, а потом, выпуская свои " волоколычки " / 1000 руб. билеты /, на них обменивали хлеб, уголь...

Фомичев правильно указал, видя на месте, на вред отсутствия правильной пропаганды, В.А. Беляевский же прямо обвинил ген. Деникина, что он " не считал нужным объявить всему / велико / русскому народу и своим бойцам, против чего они борются, и во имя какого нового порядка, и какой верховной власти ". Ведь это же была вооруженная борьба идей.

Вообще, рассматривая всю деятельность ген. Деникина, к сожалению, надо откровенно признать, что мы имеем и с у м н о г о Главкомандующего .

Вторая книга, тоже донского автора и поэта П.Н. Донского " ДОН, КУБАНЬ И ТЕРЕК ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ "; книга издана в 1960 г. содержит она 318 стр.

Написана она близким участником Атамана Павлова в борьбе на Дону во времена второй мировой войны. Автор усердно отстаивая суверенность Дона от колониальных воцеленных Немцев. И эта его работа была некрикливой, а подлинной работой, не бьющей на внешний эффект, как у некоторых

других.

Одно можно поставить в недостаток — это слишком много отдается дань поэзии, но это понятно, сам автор-поэт.

Будем ждать выхода обещанной второй книги.

Была небольшая брошюра "КАЗАКИ, НАРОД ИЛИ РУССКОЕ СОСЛОВИЕ?" в издании Организации Казачьих националистов. Автор этой брошюры в скатых чертах приводит данные, насколько возможно о том, что Казаки были народ, а не русское сословие.

Интересна она еще своим новшеством. Обычно историки приводят выдержки из трудов, на которые они ссылаются, в этой же брошюре приведены отрывки из самой книги, на которую ссылаются, что производит хорошее впечатление достоверности ссылки.

В последнее время в СССР вышло несколько книг о Казаках, но вышши они под заглавиями, которые иногда скрывают, что дело идет о Казаках, как напр., "ДОРОГА НА ПРОСТОР" Сафонова, эта книга о Ермаке, "СТЕПЬ КОВАЛЬНАЯ" С.Семенова — о "СИНЕ СТЕПЕ" ДОНСКИХ " Дм. Петрова-(Барюка) — о Платове; "Молдратий БУЛАВИН" И.Задонского, родители которого "считают себя потомками Булавиных, выселенных после бунта в верховье Дона". (Автор родом из гор.Задонска).

Эта книга, вопреки всем советским изданиям, написана в хронологическом порядке с приведением подлинных документов, а так же и приведением и примечаний в конце книги и представляет собою работу смелую и старую с беззаботностью; во "Вступлении" говорится, что движение называлось, как ДОНСКАЯ ЛИБЕРИЯ", что Святейший Синод прямо предлагал духовенству "рассматривать булавинский бунт как именно раскольничье движение"; что "Петр не разрешил даже воронежскому епископу предать Булавиных анафеме, справедливо полагая, что эта поповская затея будет вызывать излишние и опасные толки в народе".

В 1960 г. вышла еще книга соавтора В.Закруткина "ПЛАВУЧАЯ СТАНИЦА", посвященная жизни станицы, в ее рыболовческой части, уже после второй мировой войны.

Что бросается в глаза в этой книге, так это то, что "КОМАНИЧЬЕ ВЕСОТЫ" заняты Волжкороссами, за исключением одной, где стоял Казак и еще одна казачка, пламенно преданная усовершенствованию рыболовства.

"СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ О ЖИЗНИ КАЗАКОВ В СТЕПЕ И ДРУГИХ МЕСТАХ", составленный и издаваемый В.Г. Науменко / вышло 19 вып./ представляет собою чрезвычайно ценный материал; его ценность будет увеличиваться по мере того, как мы во времени будем удаляться от происшедших событий и от наших политических дразг.

Когда поуспокоятся политические страсти, когда, кто-нибудь примется за систематическое описание этой действительно подлой выдачи, тот скажет спасибо за такой труд.

В самом деле, попробуйте-ка теперь, через пятнадцать лет, собрать этот всесторонний материал.

Им-же, В.Г. Науменко, начал издаваться "Кубанский исторический и литературный сборник" / вышло 4 номера/, для К.банцев это крайне необходимый журнал, так как много сторон кубанской жизни неисследовано и их писатели и особенно поэты мало известны и самим Кубанцам.

Благодаря щедрости одного лица, мы приобрели книгу, о которой говорили в №12 ИМС, это — Jules Isaac, L'antisémitisme a-t-il des racines chrétiennes?

— Антисемитизм имеет ли он христианские корни?

Прежде всего мы должны оговориться во избежание всяких кривотолков, что статья наша не имеет никакого антисемитского характера. В самом деле, если Еврей, Жюль Исаак, ставит вопрос о том, что имеет-ли антисемитизм христианские корни и разрешает этот вопрос в положительном смысле, то в праве-ли мы, христиане, защищаться и отыскивать корни антисемитизма в другом месте, в самих Евреях? Римляне говорили:

- выслушай другую сторону, и это необходимо, чтобы иметь правильное суждение о поставленном вопросе.

Мы приводим здесь перевод существенных мест из книги Ж.Исаака, чтобы Читатель мог и сам судить; в следующем же номере, если ему удастся выйти, т.к. все дорожает.

"Я в течение более пятнадцати лет занят тем, чтобы изучить и вырвать христианские корни антисемитизма / с:7/

"После углубленного и исторического изучения, я говорю и утверждаю, что судьба Израиля приняла характер действительно бесчеловечный. Только с начала 1У в. после Р.Х. вместе с появлением христианской империи. Я говорю и утверждаю, что судьба Израиля ужасно ухудшилась в христианской Европе, начиная с XI в., когда гачалось, с первых Крузад, то, что можно назвать эрой Великого Христианства. Я говорю и утверждаю, что истребительный расизм нашей эпохи, даже если он в своей сущности антихристианский, развился в земле христианской и что он тщательно принял наследство, очень сомнительное наследство христианства.

" На это я тотчас слышу вопли: " Какал предвзятость! А антисемитизм у язычников? А египетские преследования? А персидские преследования? А преследования сирийские? А римские преследования в античности? Что вы хотите?

" Всегда и повсюду, во все времена, во всех местах Евреи были ненавидимы, гонимы".

" Антисемитизм вечный, всемирный, - недостаточно его только утверждать, нужно, чтобы история его подтвердила. Однако, история твердо установила существование антисемитизма языческого, дохристианского. Но, именно, когда его рассматривают обстоятельно, без внимания к теологической стороне, что История также обнаруживает, то антисемитизм языческий оказывается очень ограничен во времени и месте, о чем вообще не говорят, и гораздо более нетверд.

" Он обнаружился только со дня, когда Израиль - одна часть Израиля - оказалась в Диаспоре, т.е. в рассеянии, между народов языческих, и особенно со дня, когда его вера единобожия подкреплена, очищена, отказалась от всякого идолопоклонства. Неизбежным последствием в языческом мире был известный сепаратизм, но не забывайте того, христиане, что сепаратизм по Божьему повелению: " Я вас отделил от других народов, для того, чтобы вы были моим народом" / Левит, гл.20, с.26/ с.16,17 /

" И неизбежным последствием этого сепаратизма: недоверие, презрение, враждебность в отношении евреев. Таков есть первый источник, источник главный антисемитизма. Это есть действительно, это есть неотрицаемо и это есть достойно уважения. / с.16,17 /

" Когда-же и как обнаружился этот языческий антисемитизм?

" За все второе тысячелетие до христианской эры Египет дает в этом единственный пример - библический рассказ об Искосе, с исторической вероятностью которого можно согласиться, несмотря на некоторые легендарные эпизоды, событие, которое считают происшедшим около 2111 в. до Р.Хр.

" Надо заметить, что в документах древнего Египта, столь изобильных,

нет ни малейших следов антисемитизма ранее половины первого тысячелетия, У века. Для той-же самой эпохи книга Эсфирь обнаруживает преследование персами в царствование Ксеркса: я это знаю, но это исторически кажется более чем сомнительным, ибо все указывает на то, что есть перестановка в персидскую жизнь тех чувств и событий, которые включались в кадр греко-сирийских 11 века, в эпоху того времени, когда была составлена Книга Эсфири. В мире греческом и в эллинистическом антисемитизм распространился только с 111 и 11 в. до Р.Хр., эпоха, когда еврейская Диаспора /расселение/ приняла очень большие размеры. И даже в эту эпоху центральный очаг его, остается Египет, главная греко-египетская метрополия гор. Александрия, где жесткая конкуренция поставила в схватку Греков и Евреев: это экономическое соперничество, которое находилось и в других коммерческих центрах эллинистического мира, Антиохии, напр., есть второй источник антисемитизма языческого, греческого принципиально: оно достигло не столько преследования, сколько настоящей войны уничтожения между Евреями и Греками."

" Какое-де есть содержание этого антисемитизма языческого? Он особенно характеризуется своею бессмысленностью, глупостью...

" Какие его главные темы? (а) Позор еврейского происхождения - Евреи суть прокаженные, изгнанные из Египта; (б) развращенность людей, которые проповедают - так называемую по учению Моисея - ненависть к человеческому роду; (в) гнусность религии, которая презирает богов и предается постыднейшей практике: поклонение ослиной голове из золота, ритуальное убийство Грека, тайно похищенного и откормленного для этой цели. Что же касается Римлян, то они в особенности упрекают Евреев за то, что они народ мятежный, бунтовщики, возмутители, что они народ преступный, изуверный, фанатический. Но, вообще, за некоторым исключением, правители языческих государств, греческих и римских, Птолемеи или Цезарь, к ним были благоприятны: Цезарь и Август дали им действительно привилегированный статут в Империи. В Римской империи, после религии римской, только одна религия "licita", разрешенная официально, была религия еврейская".

Здесь Б.Исаак останавливается на изучении причин, вызывавших антисемитизм в языческих странах, а затем он переходит к антисемитизму в странах христианских, где отношение к Евреям меняется катастрофически.

В следующем номере мы приведем соображения и мотивы самого Юля Исаака о том, почему он считает, что антисемитизм прулчил такое широкое и глубокое распространение именно среди христиан и в христианских странах, а также дадим и некоторые свои соображения по поводу этого вопроса.

Вышла из печати книга, небольшая, П.М.Аврамова: " НОВЫЙ СМАЗ " и " ЯРОВОЙ СМАЗ ".

" НОВЫЙ СМАЗ " впервые был напечатан в КИС (№-), поэтому он уже обратил на себя внимание читающей публики.

Вот несколько отзывов о нем:

П.А.СОЮДОВОЙ (писательница)

" ПОВЕЛЬ " очень хорош. Лирика. Но все лирические вещи представляю себе короткими. Это поэма, вдохновение, горение чувства, а там лирика смешалась с иным и слишком многословно. Надо бы выкристаллизовать, обработать. Но все равно - суть прекрасна. Если бы не тяжеловатость, то многие места чудесны. Впечатление большое, но крючковатые стихи в прозе

о родимом крае коротки, сжаты и красноречивей. " КОВЫЛЬ " поэма, именно "сказ". Но в нем много лирического".

П.С.ПОЛЯКОВА / поэт /.

... "КОВЫЛЬ СКАЗ" П.Аврамова прочитал несколько раз. Насколько знаю я нашу казачью литературу - ничего подобного по глубине, по красоте и прелести мне еще читать не приходилось. Кто это Аврамов? Я его нигде, насколько помню, не читал.

П.Ф. КРЮКОВА / поэт /

" Нельзя обойти молчанием замечательное произведение П.М.Аврамова " КОВЫЛЬ СКАЗ", являющееся настоящей поэзией в прозе!"

И.Н.КОКОВОДОБ про " КОВЫЛЬ СКАЗ" повесть / "К.В.", № 33 /:

" И вот, наконец, повесть (степи) нашелся заграницей, живущий трудной жизнью одинокого инвалида. Это П.М.Аврамов. Почти никто его в зарубежье не знал и даже не слышал. Через 40 лет изгнания душа заговорила вдохновенно. Его произведение неподражаемо и с такой чистой и светлой любовью проникновенности, что читаешь и радуешься, что среди Казаков есть певец родной степи. Его "КОВЫЛЬ СКАЗ" просто зачаровывает. Начинает он с описания красоты девушки-казачки, облеченной в красивый наряд, и затем переходит к описанию, как-бы рамки этой девушки, кругом облегаящей блистательной степи.

...Какая красота поэтического изложения! Всего "КОВЫЛЬ СКАЗ" в малой статье не передать. Его нужно читать, повторять, останавливаться перед каждым волшебным предложением...

...Также "сказы" - самая сильная, вдохновенная, необходимая для сердца пропаганда среди Казаков.

К этим отзывам о " КОВЫЛЬ СКАЗ " прибавить больше, кажется, уже нечего.

" ЯРОВОЙ СЕВ " появляется в печати впервые. Если " КОВЫЛЬ СКАЗ " является " сказом ", то " ЯРОВОЙ СЕВ " представляется " рассказом ": автор нам рассказывает о том времени, когда подходит пора к яровому, т.е. весеннему, севу; он описывает нам жизнь Казака среднего достатка, который живет в дорском Дону.

Автор очень наблюдательный человек, от его взгляда, как и в "КОВЫЛЬ СКАЗЕ", ничто не ускользает, но в " ЯРОВОМ СЕВЕ " он ровный, спокойный, тогда как в "КОВЫЛЬ СКАЗЕ" он полон вдохновения и лирики, но и от "сказа" и от "рассказа" веет повсюду теплотой и любовью...

Библиофил.

Р.С.В одном из номеров ИЭС (с.110) мы приводили письмо в Редакцию от одного Казака, который не любит издавать ни на гектографе, ни на папирографе, стеклографе, меммографе и выразил пожелание, чтобы казачья литература должна быть значительно дешевле, чем какая либо другая.

ИЗДАНИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ КАРТ Д.К. и Т.

Редакция ИЭС приступает к изданию географических карт территорий Дона, Кубани и Терека, начиная с древнейших времен, чтобы видеть когда и какие народы населили эти территории.

Уже собрано выше 30 карт и со всех них сняты так называемые микрофильмы-негативы, т.е. очень маленькие (фотографы, приблизительно размером около листа папирозной бумаги, а некоторые и менее. Карты собраны главным образом в Национальной Библиотеке в Париже, там-же сняты с них и микрофильмы; и затем в Институте Восточных Языков; предвидится снять

еще десятка полтора карт.

В числе карт имеется карта, составленная Птоломеем, жившем во 11 в. н.э.; она особенно интересна тем, что на ней у Переволоки обозначен греческий город Эвзополис, в устье р. Дона, тогда он назывался Танаис, помещен тоже греческий город, называвшийся по имени реки, Танаис, а между этими городами, по середине, помещен гор. Наварис; это уже римское название; на территории-де Дона помещены жертвенники или алтари Александру Македонскому и Юлию Цезарю. С этой карты сделан уже позитив в большом размере (около 50 см). Есть карты 1514, 1562, 1621 гг.; есть карта 1721 г. с надписями, сделанными славянскими буквами, очень редкая. Городец "Донской" часто встречается в казачьей истории, но где находился этот городок - неизвестно; однако, нашлась и такая карта, в которой обозначен и этот городок на Дону.

Но чтобы издать все эти карты в виде особого альбома нужны средства. Внесенные на это дело 15.000 фр. (150 и.ф.) уже издержаны на предварительные расходы по снятию только микрофильмов, да и то не всех, т.к. имеются еще немало карт, с которых необходимо сделать снимки.

Затем предстоит увеличить эти негативные микрофильмы в позитивные фотокопии, некоторые в натуральную величину, другие в несколько уменьшенном виде, т.к. есть карты очень большого размера, или же сделать клише, а потом напечатать карты.

Но все это потребует немало средств.

Настоящее обращение направлено ко всем казакам, без различия их политического "возрастования" (хоть бы на каком-нибудь одном деле объединились) с просьбой сообщить кто и сколько мог бы пожертвовать на издание этих карт.

Сейчас мы взносая этих пожертвований не просим, а только осведомляемся, что можно-ли на эти пожертвования издать.

Когда увидим, что возможно, то о взносе пожертвований будет сделана соответствующая публикация. Мы считаем само собой понятным, что обладание жертвователям будет вышолнено, иначе нечего вводить в заблуждение.

Имена всех жертвователей будут помещены в альбоме.

Если не удастся исполнить этого издания, то все собранные с карт микрофильмы обречены на верную гибель.

Уведомление о согласии что либо пожертвовать просит направить до 1 Января 1961 г. по адресу: J. Boudanoff, 288 r. de Vaugirard, Paris 15-me, France.

Жертвователю, внесший сумму, равную не менее стоимости альбома карт, получает его бесплатно; внесший же сумму меньшую, получает его по уплате разницы между пожертвованьем и стоимостью альбома.

Р А З Г О В .

Редакция получила от одного из Читателей РСЖ выдержку из письма к нему Дипи; сведения относятся к тринадцатым годам и рисует картину опустошения Волжкоруссами и земли, и души казачьей.

" В 30-м, кажется, году я побывал в Вешенской, был у Шолохова в доме и даже окотился с ним в займе. Вешенскую я раньше не знал, почему сопоставить прошлую и нынешнюю не могу; одно только бросилось в глаза, что % инородный единиц поднялся до 50-55%; интеллигенции и прежних зажиточных казаков осталось там меньше, чем у нас пальцев на руке. Между прочим, такое-то положение по всему Дону, не только в Вешенской. Казаки замкнулись в себе и вызвать их на откровенный разговор не толь-

ко трудно, но и невозможно, особенно при свидетелях и это мне, взрослому среди казаков; интересно, что-же могут узнать у них о их "счастливой" жизни туристы из Аргентины, Америки, Европы? В Вешенской станице я провел тогда несколько незабываемых дней, знаком с М. Шолоховым, был у него в доме и вместе один раз ездили на его машине в займище стрелять уток. Между прочим, когда мы были вдвоем с глазу на глаз без свидетелей, он был далеко не тот, каким он представляется в его выступлениях на съездах, в печати и в повседневной жизни. О Сталине отзывался далеко не лестно, а о Хрущеве вообще никак, ибо в то время Хрущев был не более спицы в колеснице. Что мне в Шолохове особенно понравилось - это его любовь к Дону, с прошлым которого он знаком в совершенстве и, думаю, это прошлое, при других обстоятельствах, он описал-бы беспристрастно.

/ И может быть и описал, но не может издать / .Ну, да Бог с ним. Ему ведь тоже хочется жить не простенькой жизнью, а в числе первых."

Письмо это писано не казаком ("мне, взрослому среди казаков"), а потому оно интересно тем, что суждения о М.Г. Шолохове исходят до некоторой степени от "третьего", а суждения о нем, по существу, убийственные; "с глазу на глаз, без свидетелей, он был далеко не тот, каким он представляется в его выступлениях на съездах, в печати и в повседневной жизни". И дальше пишет: "думаю, что прошлое, при других обстоятельствах, он описал бы БЕСПРИСТРАСТНО (подч. нами)

А история со второй частью "ПОДНИТОЙ ЦЕЛНЫ"!

Шолохов хотел, предполагал закончить ее так, что матрос Давыдов, присланный на Дон, пожег с Казаками, самого его засадили в тюрьму за контрреволюцию, где он покончил жизнь самоубийством, но после визита к нему Хрущева роман закончился тем, что Давыдова убили белые контрреволюционеры...

Вообще в это письмо надо вчитаться, чтобы понять то опустошение, которое произвели Великоруссы.

" Казаки замкнулись в себе..."

Это самое отрадное явление, несмотря на всю его драматичность. "Казаки замкнулись в себе". Что это значит? А это значит то, что Казаки считают Великороссов, как завоевателей, как народ чуждый им; они подчиняются им постольку, поскольку требуют завоеватели, в смысле-же духа Казаки замкнулись в себе, чем и подтверждают свою обособленность от Великороссов.

" РЕЙД МАМОНТОВА "

Редакция "КЭС" получила от степняка-мамонтовца Делешкина Бориса письмо с приложением его статьи "ОТГОЛОСОК" на "РЕЙД ГЕН. МАМОНТОВА" в жур. "КЭС" №12 с просьбой поместить его в следующем № КЭС.

Так как этот "ОТГОЛОСОК" уже получил довольно широкую огласку, будучи опубликован в "Каз.Ед" (№40) и в "КАЗАКЕ" (парижском) №57, и еще автор "ОТГОЛОСОКА" обещался широко распространять его особой рассылкой текста, то Редакция не нашла нужным помещать его в своем Сборнике, тем более, что в "ОТГОЛОСКИ" нет ничего существенного, что могло-бы, хотя немного, осветить этот "РЕЙД" и личность самого ген. Мамонтова; в "ОТГОЛОСКИ" больше грубых личных выпадов против автора заметки, чем замечаний или возражений по существу.

Для образца его "стиля" приводим следующую выписку:

...кто уподобляясь и даже опускаясь ниже того осла, который лягнул сво-

им ослиным копытом умирающего льва. Так как они своим ослиным копытом стараются лягнуть уже мертвых, к которым у всех народов и во всех религиях, включая и православную, имеется известное уважение и после их смерти, если у них и были ошибки, то стараются о них не вспоминать".

Ленин со своим "грабь награбленное", Сталин со своими ссылками и измором много миллионов Казаков, Деникин - этот неудачник-главнокомандующий - все они мертвые, следовательно ...

Однако, их лягут, да еще как! Сколько-же тогда у нас ослов этих поразвело-о-осы!

В качестве образца его стиля мы воздерживаемся, как впрочем воздержалось и "И.В." и "КАЗАН", от приведения еще одного примера его стиля, так как он совершенно похабный.

Обмениваться мнениями с такими возражениями - это попусту тратить время и труд, ибо Степняк-мамонтовец, все время бьет не по коню, а по оглобле.

РЕВОЛЮЦИЯ И ЭВОЛЮЦИЯ.

В настоящее время много говорят и пишут и еще более на себе испытывают ее последствия - это о "РЕВОЛЮЦИИ", но совершенно не говорят и не пишут о другом слове, совершенно похожему, но написанном на "РЕВОЛЮЦИЮ", и отличающемся от него только одной буквой; мы имеем в виду слово "ЭВОЛЮЦИЯ" (обозначим их, ввиду их важности, большими буквами)

Если эти слова и в написании, и в произношении ничем не отличаются друг от друга, кроме только одной буквы, то в своем значении они резко противоположны - как огонь и вода, как разрушающее и создающее.

Революция действует быстро и жестоко, сокрушая на своем пути все - и хорошее и плохое, что создано руками.

Как пример Революции можно привести плотину на небольшой речке, или барраж на большой реке; и вот по каким-то причинам плотина или барраж срывается и масса воды хлынет, разрушая все на своем пути.

Эволюция же действует медленно, неспешно, но неуклонно, "медленно спешит" по выражению одного немецкого философа.

Как пример Эволюции, можно указать на посев зерна. Брошенные во вспаханную землю зерна не дают сразу-же ростка; только дня через три-четыре на свет Божий появятся маленькые зеленые росточки; потом они начинают расти, увеличиваться; затем начинают выколосиваться, зацветет; отцветет, начнет наливаться и недели через две оформится в то самое зерно, которое было брошено в землю при посеве. Все эти стадии развития зерна и будет называться Эволюцией его".

Перенесем эти понятия к жизни политической; в принципе они совершенно сходны.

Петр 1, производя свои необходимые реформы, шел, собственно, революционным путем, до богохульства включительно; Александр 11, тоже производил необходимые реформы, но он шел эволюционным путем, медленно, не спеша, но неуклонно: в 1861 году освободил крестьян, реформа колоссальная; в 1864 г. ввел гласный и равный для всех суд; в 1870г. - городское положение, затем всеобщая воинская повинность и, наконец, был уже подписан манифест о созыве Земского Собора, т.е. вступление России на конституционный путь.

Мы должны сказать, что если реформы Александра 11 были спасительны, благотворны для России, то его эволюция в отношении Казаков была губительна, она шла в обратном направлении, в смысле сжигания, но так-же

постепенно и неуклонно: "ЗЕМЛЯ" В.Донского заменено "ОБЛАСТЬ" В.Донского, "ПРАВИТЕЛЬСТВО" заменено "ПРАВЛЕНИЕМ" (как будто стационарное), запрещение назначать Войск.Атаманов из Казаков и т.д.

Применим теперь это понятие эволюции к современному положению в казачьей эмиграции, именно, к ее интеллигенции, которую обвиняют со всех сторон в "великорусскости".

Ввиду важности этого вопроса обсуждение его мы переносим до следующего номера.

Ив.В.

Редакция получила "ПОСТАНОВЛЕНИЕ С'ЕЗДА ДОНСКИХ КАЗАКОВ" с просьбой поместить его в МКС.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ С'ЕЗДА ДОНСКИХ КАЗАКОВ.

С'ЕЗД ДОНСКИХ КАЗАКОВ СОСТОЯВШИЙСЯ 3 ИЮЛЯ 1960 ГОДА В КАЗАЧЬЕМ ДОМЕ ФАРМИНГДЕЙЛ НЬЮ ДЖЕРСИ, СОЗВАНЫЙ ПО ИНИЦИАТИВЕ СОЮЗА ДОНСКИХ КАЗАКОВ В АМЕРИКЕ, УСЛУЖАВ ОБСТОЯТЕЛЬНЫЙ ДОКЛАД ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СОЮЗА ДОНСКИХ КАЗАКОВ И.К. КОВАЛЕВА, О ОЗНИКОВЕНИИ В МАРТЕ 1917 ГОДА ВОЙСКОВОГО СОЮЗА ДОНСКИХ КАЗАКОВ В НОВОЧЕХ-АССИС И ЕГО УСПЕШНОЙ РАБОТЫ ПО СОЗЫВУ С'ЕЗДА И ВОЙСКОВОГО КРУГА И НЕПОНЯТНОЙ ЛИКВИДАЦИИ СОЮЗА ЛЕТОМ ТОГО ЖЕ 1917 ГОДА, БЛАГОДАРИТ ЗА ДОКЛАД И ПОСТАНОВИЛ, ЧТО РАБОТУ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОЮЗА НА ДОНУ, СОЮЗ ДОНСКИХ КАЗАКОВ В АМЕРИКЕ ДОЛЖЕН ИСПОЛЬЗОВАТЬ ВСЕГДА ОПЫТ И НЕ ПОЗВОЛИТЬ ЛИКВИДАЦИИ НОВОГО СОЮЗА, А ПРОДОЛЖИТЬ С ТАКИМ ЖЕ УСПЕХОМ СВОЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, КАК СОЮЗ НА ДОНУ В 1917 ГОДУ.

СЧИТАЯ ВОПРОС О МОРАЛЬНОЙ И МАТЕРИАЛЬНОЙ ПОМОЩИ ЧЛЕНАМ СОЮЗА ДОНСКИХ КАЗАКОВ, ОЧЕНЬ ВАЖНЫМ ДЛЯ УСПЕШНОГО РАЗВИТИЯ СОЮЗА С'ЕЗД ПОСТАНОВИЛ: ОБЯЗАТЬ ПРАВЛЕНИЕ СОЮЗА РАЗРАБОТАТЬ ВОПРОС ПО ОБРАЗЦУ ФЕДЕРАЛ КРЕДИТ ЮННОЮ И ПРОВЕСТИ ЕГО ОРГАНИЗАЦИИ В БЛИЖАЙШЕЕ ВРЕМЯ В ЖИЗНЬ.

ПРИЗНАВАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ НАШЕГО ВЛИЯНИЯ В ВОПРОСЕ РАЗВИТИЯ РЕЛИГИОЗНОЙ ЖИЗНИ СОЮЗА ДОНСКИХ КАЗАКОВ И ПОСТРОЕНИЯ ЕЕ НА ДРЕВНИХ НАЧАЛАХ, СВОБОДЫ РЕЛИГИОЗНОЙ СОВЕСТИ И ИСПОВЕДАНИЯ, ИСТОРИЧЕСКИ СЛОЖИВШИХСЯ В РЯДАХ ДОНСКИХ КАЗАКОВ, РАЗНЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ ВОЗЗРЕНИЯМ, ОСНОВАННЫХ НА ВЕРЕ В ДИНОГО БОГА ТВОРЦА И ПРОМЫСЛИТЕЛЯ И СОЗНАВАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ, НЕ ТОЛЬКО ОТСТАИВАНИЯ СВОБОДЫ ИСПОВЕДАНИЯ РЕЛИГИИ ПРОТИВОСТОЯНИЮ АНТИРЕЛИГИОЗНОМУ КОММУНИЗМУ, НАСИЛИЮ И ЛИКВИДАЦИИ СВОБОДЫ РЕЛИГИОЗНОГО ИСПОВЕДАНИЯ И ПРАВА ЗАЩИТЫ ЛИЧНОЙ СОБСТВЕННОСТИ И СВОБОДЫ ЧАСТНОГО МЫШЛЕНИЯ, ОРГАНИЗОВАТЬ РУКОВОДЯЩИЙ ОТДЕЛ, ДЛЯ СОГЛАСОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЛЕНОВ СОЮЗА.

ДЛЯ РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ РАБОТЫ С'ЕЗД ПОСТАНОВИЛ ОБЯЗАТЬ ПРАВЛЕНИЕ СОЮЗА ОЗАБОТИТЬСЯ ОРГАНИЗАЦИЕЙ ЛЕТНЕГО ЛАГЕРЯ ДЛЯ МАЛОЛЕТНИК ДОНЦОВ, ГДЕ БЫ ОНИ МОГЛИ ВОСПИТЫВАТЬСЯ В СТАРЫХ КАЗАЧЬИХ ТРАДИЦИЯХ, А ЕСЛИ УДАСТСЯ, НАЛАДИТЬ И ПОСТОЯННУЮ СПОРТИВНУЮ ОРГАНИЗАЦИЮ, ГДЕ МОЛОДЕЖЬ ВОСПИТЫВАЛАСЬ БЫ В КАЗАЧЬЕМ ДУХЕ; ХОРОШО БЫЛО БЫ НАЛАДИТЬ И СВОЙ ДОНСКОЙ КАЗАЧЬИЙ ЖУРНАЛ, ДЛЯ УСТАНОВЛЕНИЯ СВЯЗИ МЕЖДУ ЧЛЕНАМИ.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ С'ЕЗДА И.К. КОВАЛЕВ
СЕКРЕТАРИ: Л.Ф. ПОПОВ
А.С. КИБИРЕВ

Сборник уже заканчивался, как Редакция получила известие о смерти П.А. ПОПОВА.

Редакция КИС доводит до сведения лиц, нерасплатившихся за высланные им номера, что с №4 высылка им журнала будет прекращена впродолжение до расплаты за высланные номера.

Мы уже неоднократно писали, что КИС не располагает никакими внешними финансовыми источниками и существует только на оплату проданных №№, а также и на отдельные взносы жертвенных казаков.

Получены пожертвования с 1 июля по 30 сентября 1960 г:

от лица, показавшего остаток неизвестным - 5.000 фр. (50 н.ф.),
от П.М.Абрамова - 3.750 фр., плюс особо 3.000 фр., Н.П.Заледина - 5д.,
Г.В.Губарова (в равное время) - 10 д., В.В.Карпушина - 5 д.
Внесли двойную плату за №12: М.И.Гаврилов - 600 фр., И.И.Плахов -
- 500 фр., Додура В.Г. - 900 фр., Сидрыков - 500 фр.

Редакция приносит всем им свою признательность.

За статьи, помещенные в Сборнике за подписью автора,
Редакция НЕ ОТВЕЧАЕТ.

При запросах, не ответ прилагать марку или международный купон.

Готовится к печати №14 КИС.

Статьи, корреспонденцию и деньги адресовать: Mr J. Boudanoff
288, rue de Vaugirard - Paris XV - France.

Цена Сборника: во Франции - 2фр.50, в других странах - 1 ам.дол.

Технический Редактор И.Буданов.

ПРИМЕЧАНИЕ: На странице 44-ой после P.S. случайно пропущены следующие строки:

Сравним две книжки, обсуждаемые в этом номере - Ж. Исака и П.М. Абрамова, обе книги издамы в 1960 г., т.е. в одинаковых экономических условиях: книга Ж.И. содержит 74 стр., но если из нее выбросить 14 пустых страниц, то текста в ней останется 60 стр., тогда как у П.А. - 68 стр.; затем, у Ж.И. на странице 27 строчек, а у П.А. - 34 стр., далее, у Ж.И. в строчке - 41 знак, а у П.А. - 50 зн.; таким образом, из этого простого расчета видно, что книга Ж.И. должна-бы быть несколько дешевле книги П.А. На самом-же деле - кн. П.А. стоит - 300 фр. / 3 н.фр./, а Ж.И. - 450 / 4,50 н.фр./ !